

Служебный роман с чужой невестой

Автор:

[Ольга Коротаева](#)

Служебный роман с чужой невестой

Ольга Коротаева

Диана Билык

Игры богатых #2

Она – загадка! Она – мечта! Настоящая бабочка, летящая на яркий свет. И она сводит меня с ума! Я спас ее, когда сам нуждался в спасении. Ночь, которую малышка мне подарила, я никогда не смогу забыть. Буду искать, потому что желаю, тянусь, умираю без нее. Но! Она чужая невеста! И как быть рядом, делая вид, что мне все равно, если от чувств сносит крышу? Содержит нецензурную брань.

Диана Билык, Ольга Коротаева

Служебный роман с чужой невестой

Глава 1. Дима

Ночь любви

Я остановил байк, снял шлем и сразу увидел её.

В ярких бликах рекламных огней, будто беспечно прилетевшая на свет маленькая хрупкая бабочка, она попала в беду. Густая грива блестящих тёмной медью волос, тоненькая девичья фигурка в мини-платье, стройные щиколотки обвиты золотистыми шнурочками босоножек на высоченной шпильке. Девушка напоминала нечаянно перепутавшую мир фею. И, – да! – она была в беде.

Три подвыпивших мужика откровенно её лапали.

– Ну же, детка, не ломайся, – ухмылялся рыжий здоровяк, хватая крошку за грудь, отчего она вырывалась и осыпала его матами. – Тебе будет хорошо!

Девушка треснула его по руке и прошипела что-то неразборчивое, но жилистый брюнет все равно задрал ей и так короткое платье. Третий загоразивал этих двоих отморозков и, сквозь косматую бороду улыбаясь проходящим мимо посетителям так, что даже мужчины отводили взгляд, с интересом посматривал, что делают товарищи.

Я вздохнул и, повесив шлем, перекинул ногу через байк. Разминая костяшки пальцев, медленно подошёл к бородачу. Я планировал напиться и подраться, но, похоже, порядок будет несколько иным.

– Иди куда шёл, – сверкнул жёлтыми зубами здоровяк. – Не лезь не в своё дело.

– Сожалею, – приподнял я брови, – но лезть в чужие дела – моё любимое развлечение. Отпустите девушку по-хорошему.

Бородач захохотал и, обернувшись к парням, сжимающим почти раздетую отчаянно сопротивляющуюся незнакомку, воскликнул:

– Шлюху хочет! – повернулся и дохнул на меня перегаром: – Бар у тебя за спиной. Выбери себе другую, а эта наша. Она нам за выпивку должна теперь спеть и отсосать.

– Сами себе будете друг у друга сосать! – зашипела бабочка и укусила рыжего за руку.

Он вскрикнул и, тряся кистью, грязно выругался. Второй получил шпилькой по ноге и тоже залился матом. Я усмехнулся:

- Она вам всё равно не по зубам. Даю последний шанс.

- Какой шанс? - скривился бродяга и окинул меня пристальным взглядом. - Оружия при тебе нет, а против нас ты не устоишь.

Тут девушка извернулась и двинула рыжего коленом между ног. К сожалению, тот успел увернуться и, разозлившись, ударил девушку наотмашь. Я среагировал мгновенно. Коротким рубящим наградил бродягу и, не успев тот, закатив глаза, мешком осесть на землю, уже отключил левой брюнета. Рыжий испуганно замер, не отрывая растерянного взгляда от неподвижных товарищей. Я посмотрел на освобождённую девушку и широко улыбнулся:

- Кто же так бьёт? Видела, как надо?

И приглашающим жестом показал на рыжего. Девчонка зло рассмеялась и, пользуясь случаем, со всей силы двинула застывшему мужику между ног. Тот тоненько взвыл и, прижав руки к причинному месту, стёк на заплёванный асфальт.

- Надеюсь, яйца у тебя потекут, ублюдок! - крикнула девушка по-русски и, повернувшись ко мне, договорила на английском: - Теперь правильно ударила?

Я окинул взглядом её исцарапанные колени, местами порванное платье, маленькие дерзко торчащие полушария почти обнажённой груди и покачал головой:

- Шла бы ты... домой, девочка.

Она застыла на миг, медленно покачала головой. Да, произнёс я это по-русски, и прозвучало это двусмысленно, но мне не хотелось, чтобы эта глупая бабочка привлекла на свою беспечную упругую попку новые приключения.

- Шёл бы ты на хуй, старпёр! - дерзко ответила девушка по-русски и, поправив съехавший лиф, отряхнула мини-юбку. - Одни советчики вокруг. То можно

делать, то нельзя... Затрахаили уже!

Я поперхнулся. Да, я не так молод, как эта мокрощёлка, но вовсе не стар, слегка за тридцатник только. Ну раз она такая бойкая, сама разберётся и со своей попкой, и с приключениями. Скривившись, я прошёл мимо неё в бар. Подраться уже успел, оставался первый пункт. Открывая дверь в задымленный зал, буркнул:

– Добро пожаловать в Нью-Йорк, бабочка. Можешь не благодарить.

И вошёл в шумное, заполненное посетителями и парами спиртного полутёмное помещение.

Забыв о неблагодарной девчонке, приблизился к бару и заказал бутылку вискаря. Пункт первый – напиться. Поехали! Но не успел пригубить второй стакан, как за спиной услышал визгливый голос Тома:

– Дэми! Ты тоже празднуешь свободу? Иди к нам!

Я мрачно посмотрел на Лени. Бармен виновато пожал плечами и ретировался. Мог бы предупредить, паршивец.

Как же не хотелось оборачиваться! Я знал, что с бывшим партнёром «празднует свободу» моя бывшая, с сегодняшнего дня, жена. Вздохнул и опустил голову: видимо, придётся подкорректировать план вечера. Напиться и подраться дважды. Подхватив бутылку и наполненный стакан, я пошёл к большому столу, за которым расположилась шумная компания. Блестящие взгляды, красные лица... похоже, они тут давно.

Глава 2. Дима

Сцепив зубы, посмотрел на Катю. Шваль! И чего ей надо было, твари?! Любил, верил, как себе, деньгами осыпал, а она... Пока я жизнью рисковал, бросала сына на няню и кутила по клубам, трахалась с кем попало. Перевёл мрачный взгляд на Тома. Сука смазливая, а не мужик. И чего она в нём нашла? Я же защищал его, когда этот трус решил развестись. Боялся собственной жены, а Катерина... Блять похотливая. Работа ей, понимаешь, моя не нравилась. И сейчас

пьяно лопочет что-то, пытается задеть, курва.

- Что, защитничек? - криво заулыбалась она, - отметим нашу свободу друг от друга?

Я смотрел на нее, как на пьяную шлюху. Прыщ Том при всех жамкал ее за грудь, а у меня душа выворачивалась наизнанку. Этой грудью она кормила Максимку! Хорошо, что сына "мышка" забрала, не видит парень этого блядства. Поживёт немного в России, у крёстного и его замечательной жены, может, отступит боль от разрыва родителей.

- Что смотришь? - пьяно улынулась бывшая. - Эти холмики больше не твои, иди защищай кого хочешь! Как же меня заебала твоя работа! - Катя покачнулась и посмотрела на любовника: - Никогда его дома нет... Никогда! Сука, я выла по ночам, трахалась с вибратором! А когда решила начать жить, вдруг стала блядью? Сам ты блядь! Отдаёшь своё тело за деньги! Чтоб ты сдох, Дэ-э-эми!

Я молча смотрел на неё: ну и гниль. Поверить не могу, что мягкая и нежная Катенька превратилась... вот в это. Не замечая, что юбка до талии задралась, выливает на меня помои. Всё потому, что Максим на суде без колебаний заявил, что жить будет с отцом. Какую истерику Катька тогда закатила! Я ухмыльнулся. Победа за мной, шваль.

- А у него хуй маленький, - пьяно хихикнула бывшая и выставила мизинчик: - Вот такусенький... - И под дружный смех компании принялась сосаться с Томом.

Всё, меня сейчас стошнит. Я схватил бутылку, намереваясь убить щегла, как на плечо легла прохладная рука. Обнявшая меня девушка оказалась той самой языкатой бабочкой, что обматерила меня в благодарность за спасение.

Но сейчас она нежно улынулась и, усевшись мне на колени, прижалась губами к моему рту. Ощувив её проказливый язычок, я дёрнулся, но девочка с силой сдавила мне шею, принуждая не двигаться. Оторвавшись, посмотрела на притихшую компанию. Один из парней, друг Лени, тыкая в неё пальцем, пьяно проблеял:

- Это же... Она же...

А бабочка его перебила:

– Нам пора приступить к сладенькому, – неожиданно поднялась и потянула меня за собой. Я почему-то подчинился. И тут эта пигалица прижала ладошку к моему паху. Покосилась на мою бывшую: – Я так люблю, когда он во мне! Каждый раз кажется, что его огромная штука порвёт меня на тысячу кусочков, но это такой ка-а-айф! – она подмигнула Катьке: – Ну ты понимаешь, да? Спасибо, что отдала его мне, сучка.

И потянула меня к выходу. Я откровенно смеялся, слушая, как вслед нам раздавались крики бывшей:

– Блядун! Козёл! Чтоб ты сдох, Дима! Чтоб ты сдо-о-ох!

Дверь хлопнула, отсекая визг бешеной самки, а я повернулся к девушке, которая с улыбкой протянула мне ладошку:

– Квиты?

Я ухмыльнулся и кивнул на свой мотоцикл:

– Подвезти до дома?

Она посмотрела так пронзительно, что в радужках её вспыхнула синева, и у меня на миг дыхание перехватило. Бабочка спросила хрипло:

– И как далеко твой дом?

Я хотел было сказать, что предложил подбросить её, как снова ощутил худенькую руку у себя на ширинке. Девушка, не разрывая взгляда, откровенно ласкала меня, водила по ткани брюк умело, откровенно, и кровь мгновенно забурлила в венах, член встал колом. Незнакомка приоткрыла губы, в темно-синих глазах отразилось откровенное восхищение:

– Джек-пот, – прошептала она. – Да у тебя в штанах торнадо, защитник.

– Защитник? – вздрогнул я. – Нет, меня зовут...

- Тс... - она прижала палец к моему рту. - Никаких имён. Ты - защитник. А я..

- Бабочка, - выдохнул я и, прижав хрупкое тело к стене, накрыл её нежные губы своими, жадно смял их, проник между ними нетерпеливым языком.

Она предлагала себя так бесхитростно, а мне необходимо было отвлечься, переключиться, начать новую жизнь. Оторвавшись, я посмотрел в затуманенные глаза бабочки, хрипло спросил:

- Ты действительно этого хочешь?

- Ты ещё сомневаешься? - так же тихо ответила девушка, прижимая мою руку к своей промежности.

Я скользнул пальцами в горячее трепещущее лоно, и бабочка громко застонала. Я тут же накрыл её рот, напиваясь её желанием, впитывая его в себя, словно возрождающаяся после иссушающей жары влага. Бабочка могла стать моим исцелением на сегодня. От яда по имени Катя.

С трудом отлепившись от незнакомки, потянул её к мотоциклу: не намерен трахаться на улице. Нацепил на неё свой шлем и, усевшись, похлопал по сиденью. Я всё ждал, что она передумает, развернётся и растает в ночи, но бабочка не только устроилась позади меня, но и, обняв одной рукой, второй принялась поглаживать мой напряжённый член.

Я завёл мотор, отчего мотоцикл оглушающе взревел и приглушил мой стон, когда юркие пальцы забрались под пояс. Мы неслись в ночи по ярко освещённой дороге, а девчонка прижималась ко мне, тёрлась о спину упругими бутонами сосков, и от растущего желания в ушах начинало звенеть. Дыхание сбивалось, я едва соображал куда еду. А когда она обхватила член и опустила кольцо из пальцев вниз, я неожиданно для самого себя расхохотался и выжал из мотора всё, на что он способен.

Это было безумие. Это была жизнь. Я лишь старался сдержаться и не кончить от дерзких движений её шаловливых пальчиков, да обещал себе, что отыграюсь на бабочке дома. Докажу, что её слова о том, что она кайфует на моём члене - лишь тень реальности! Она охрипнет от крика и не сможет подняться утром.

Постанывая от нетерпения, пригнулся к рулю и постарался выжать ещё больше скорости...

Глава 3. Ева

За несколько часов до этого...

– Папа, ну, хватит! – возмущённо вскрикнула я и, закинув ногу на ногу, подалась назад так резко, что кожаное кресло отъехало от стола. – Прэскот противен мне, зачем ты это делаешь? Он не в моем вкусе. Ну, пожалуйста, дай еще немного времени.

Папа хмуро посмотрел на мой наряд: как всегда мини, все открыто, откровенно, – всё, как я люблю. Да, мне нравится эпатировать, обожаю шокировать людей своими изящными изгибами и кажущейся доступностью. А как еще привлечь к себе внимание?

– Тебе уже двадцать один, Ева, хватит этого дерьма! – дома папа говорил всегда на родном языке – на русском. – Ты или берешься за ум, или я лишу тебя всех привилегий и средств. И прощай твой звездный статус, сцена, песни и вся эта хрень! Не забывай, кто оплачивает все эти радости.

– Но, – я сложила руки на груди, закрывая откровенное декольте на плоской груди (какая выросла, что поделаешь), и надула губы, невольно вспомнив, что папа не дал мне денег на пластику. Ну, ничего, осталось недолго тебе править, папочка! – Ты меня замуж выдаешь за нелюбимого. Он же на шпалу похож! Нос, как у коршуна, нижняя губа, как вареник! Я уже взрослая и сама хочу выбрать мужа.

– Нет! – отрезал отец и грохнул по столу кулаком. Я съежилась. Если Комаров выходит из себя – это я уже перегнула палку. Он тяжело выдохнул, смахнул капельки пота со лба и спокойней договорил: – А тебе ли не все равно? – какая же у него разочарованная мина на лице. А чего ты хотел, папуля, если напрочь забыл обо мне после смерти мамы? На виски, щедро усыпанные сединой, лёг отблеск вечернего света, льющегося из окна. – Вокруг тебя одна шваль

крутится, только посмей спутаться – пулей вылетишь на улицу. Забуду, что ты моя дочь!

– Шантажист! – возмутилась я и отвернулась, а про себя добавила: «Ты и так вряд ли помнишь, что я твоя дочь».

Сама виновата, нужно было привлекать внимание отца не баловством и шалостями, а примерным поведением и хорошими оценками, как делают это ванильные девочки. Гордость отцов – именно их папа всегда приводил мне в пример. Но что поделаешь, если я уже свыклась со своими привычками и не желаю строить из себя примерную? Я люблю жить на широкую и экстремальную ногу. Не могу я без этого! Мне нужна музыка, драйв, свет прожекторов, шалости.

О, да-а-а! Как я обожаю вредничать и капризничать, кто б знал. Как подумаю, что папа меня выбросит из семьи и отправит к бабуле в Россию, в глухую деревню Хацапетовку, как грозился, когда зол, то... Нет, лучше уж замуж. Перетерплю годик, а потом устрою муженьку «веселую» жизнь. Он сам на развод подаст. Прыгнет в постель к другой и освободит меня от своего присутствия. Папа его быстро выбросит на улицу! Если Прэскот изменит, ему не жить. Но осталась одна малость. Как выдержать секс с противным мне мужчиной?! Фу... Стоит только представить этого щуплика пыхтящего надо мной, так появляется рвотный рефлекс.

– Веди себя прилично, Ева, – папа навис над столом и сурово кивнул моему личному псу – охраннику негру, что не отходил ни на секунду. Глядя на меня, закончил устало: – Через час чтобы была на помолвке, одетая, как нежный одуванчик, а не как дешёвая шлюха. Ясно?!

– Конечно, папочка, – спокойно ответила я, растягивая искусственную улыбку. Обязательно буду одуванчиком. Таким, что закачаешься. Не-е-ет, упадешь со стула, если будешь сидеть, а если нет – придется сесть.

Я выпрыгнула из кресла, сверкнув голой ягодицей, подмигнула охраннику, который и так уже был на грани, явно желая сменить работу из-за моих выходов, не говоря уже о попытках улизнуть, и побежала к себе: выбирать наряд к помолвке. Бу-га-га. Прэскот будет рад одуванчику. С отравленными колючками.

Я распахнула шкаф и стала вышвыривать платья.

Тэкс, это не то... сильно скучно. Это тоже не то. Банально. Это? Не-е-е... Что же надеть? Я перебирала шмотки и напевала свою новую охренительную песню. Чудить – лучшая защита от грустных мыслей, потому я никогда не унываю и никогда не затыкаюсь. Люблю поболтать безу-у-умно. Так я не слышу свои мысли и могу притворяться сучкой.

Выбрав несколько цветастых нарядов, я позвала личного негритенка в два метра ростом, с косой саженью в плечах и заставила его смотреть на мои переодевания. Да, я вредная! Но надо для дела. Он мужик нормальный, вроде не гей, а мне позарез нужна правильная реакция.

Когда Билл психанул и торопливо покинул комнату, я поняла, что попала в точку. В зеркале отражалась, если не проститутка, то ночная бабочка гарантированно. Отлично!

Теперь обувь. Да-а-а... Золотые босоножки, мои любимые, ноги в них будто от ушей растут, а коротенькая юбка оказывается в легкой доступности. Руку протяни – можно помацать ягодицы, приподнять край, залезть в трусики. М-м-м... Как же я давно этого хочу! До смерти надоело ласкать себя пальцами. Хочу мужика! Нормального, сильного, такого, чтобы дым из ушей!

Красилась я долго, наводила стрелки, укладывала волосы, позволяя им распусться природными волнами на открытых плечах. Послала себе поцелуй в зеркало и пошла к гостям. Готовься, женишок! Джонси вышла на охоту. Сам же дал согласие жениться на мне, теперь придется терпеть. А издеваться я буду над тобой педантично: с чувством, толком и расстановкой.

Глава 4. Ева

Когда я спустилась в холл, забитый гостями в изысканных дорогих костюмах, гул резко стих, и почти все головы повернулись в мою сторону. В том числе обернулись мой отец и проклятый Пре-е-ескот.

Жених прищурился и, криво усмехнувшись, облизнулся, а папа округлил глаза и, почти швырнув бокал с шампанским на поднос прислуге, грозно двинулся мне

навстречу. Как настоящий разъяренный медведь! Он протащил меня через весь зал, сильно сдавливая плечо, а затем втолкнул в кабинет и заорал:

- Ты совсем тупая, Ева?!

- Ну, пришла же, - я прислонилась к стене и, отставив ножку, словно шлюха, хитро заулыбалась. - Еще скажи, что жениху не понравилась. Он слюни до сих пор на свою пипирку наматывает, можешь поверить. Что тебе не нравится, папа?

- Все не нравится, - он зацепил пальцем мой локон и откинул его в сторону. Совсем сухо и подавленно сказал: - Мама в гробу бы перевернулась, если бы тебя вот такой увидела.

Зря он это сказал, вот зря-я-я...

- Мамы у меня нет, - сказала я тем же шаловливым тоном. Не увидит он моих слёз, потому что не поймет их. - Мог бы мне другую "маму" прикупить. Всё продаётся и покупается! Меня вот можно продать. Так почему себе женушку выгодную не приобрёл?

Сначала огонь обжег щеку, потом голова повернулась в сторону, и только после я осознала, что папа сделал то, чего никогда не делал... Ударил меня.

Наверное мои глаза загорелись от ненависти, потому что отец сжал ладонь в кулак и отступил, виновато опустив голову.

- Прости, Ева, я не хотел... Ты сама довела.

- Иди ты! - огрызнулась, прижимая руку к щеке, а затем проорала ему в лицо: - Я выйду за Прэ-э-э-скота, если ты так хочешь! Если тебе совсем на меня плевать - хорошо! Но не проси у меня прощения, его ты не дождешься и после моей смерти!

Я выскочила из кабинета, гордо подняв голову. Гости встретили меня удивленными взглядами, а ненавистный жених вышел навстречу и подал руку. Я же криво улыбнулась и громко заявила:

– Я хочу писать. Проводишь меня в туалет? Может, еще попу подотрешь ради папиных денег? – и премило улыбнулась. Мужчину перекосило, а я, пользуясь его замешательством, бросилась к выходу. Когда выбежала на улицу, заметила, что мой личный негритенок, как всегда рядом. Чтоб его кирпичом трахнуло!

Ночь была прохладной, ласкала кожу, хотя мне это не помогало. Я бесилась и едва не взрывалась от гнева. Шла по дорожке, неистово втыкая шпильки в плитку, и думала, как избавиться от давящего на душе балласта. Яркая мысль чуть с ног меня не сбила, потому я резко встала и, резко развернувшись, накинулась на негра. Полезла к нему в объятия, как обезьяна, закинула ноги на широкие мужские бедра и принялась неистово целовать. Он попытался меня скинуть, срывал с себя, словно банный лист, а я снова тянулась и притворялась похотливой сучкой.

Я знаю, что у него есть жена, потому, когда Билл, заорав благим матом, оттолкнул меня, возликовала.

– Ты меня изнасиловать пытался! Я папе расскажу!

– Что?!

– Все вы козлы похотливые! – я показала на наружную камеру и растянула губы еще шире. – Буду жаловаться!

– Да ты... – негр отступил ошарашено, но достойно принял бой. – Иди в дом, Ева. Твои игры уже не работают. Все знают, что ты дерзкая пигалица без тормозов.

– Так и есть! – я хищной пантерой подступила ближе, потянула к нему ладонь, а потом дернула коленкой и со всей дури влепила ему между ног. Билл простонал «Fuck!» и согнулся. – Прости-прости... Надеюсь, дети у тебя еще будут!

Мужчина замычал, а потом я заметила у него за пазухой пистолет. Выдернула из кобуры пушку и шваркнула охранника по затылку, отчего он рухнул на дорожку, как мешок с цементом. Придавил мне палец на ноге, громила! Больно же...

– Это было жестоко, знаю... – я проверила его пульс. Живой. Фух. Бросила рядом оружие и помчалась к ограждению. Через ворота не получится выбраться – там

быстро поймают папины шавки, придется через забор лезть. Меня это не остановит! Моя невинность уроду-Прэскоту-противному не достанется! Выкуси, папочка!

Глава 5. Дима

Ночь любви

Не знаю, как я дотерпел. В паху ныло и горело так, словно мне шестнадцать лет и я впервые пожатал пупырышки под кофточкой у одноклассницы. Едва слез с мотоцикла, сразу закинул смеющуюся бабочку на плечо и, как есть, с расстёгнутой ширинкой и торчащим стенобитным орудием наперевес, потащил к себе. Благо, сейчас ночь, и я никого не встретил.

Квартирка у меня небольшая, но в благополучном районе. Всего две комнаты, зато есть камин и панорамное окно, у которого бабочка и зависла. Я же скинул с себя футболку и кожаные брюки и, как есть в костюме Адама, приблизился к ней со спины. Ещё раз поразился, что она практически запрыгнула на меня: маленькая, яркая и очень дерзкая бабочка!

Мои руки легли ей на грудь, слегка сжимая, и девушка застонала, приникла ко мне спиной, обхватила ладонью стоящий торчком член. Я сквозь ткань сжимал и слегка выкручивал тугие бутоны сосков, и бабочка извивалась, подставляясь под мои руки, ненасытно требуя ещё ласки. Словно она была ещё возбуждённее меня, и от осознания, что меня так страстно хочет эта малышка, сносило крышу.

Я запустил руку ей под юбку. Честно ожидал, что она ударит, отпрянет, одумается и попытается выскользнуть, но бабочка раздвинула ноги, чтобы мне было удобнее её ласкать. Ах, какие у неё маленькие аккуратные складочки внизу! И тугой бугорок возбуждённого клитора, который аж пульсирует под моими пальцами.

Так приятно ласкать, гладить её влажные от любовного сока лепестки! Я не удержался и, поднес руку к губам, облизал свои пальцы, провёл ими по её губам. Бабочка жадно обхватила мой палец и принялась посасывать. Я зарычал от

перевозбуждения, смял ягодицу, а бабочка выгнулась и, поймав мои губы, обожгла горячим дыханием:

– У тебя есть презерватив?

Я хмыкнул:

– У меня не меньше сотни!

И это чистая правда: пачка презиков лежала на тумбочке у кровати. Катя не хотела второго ребёнка, и приходилось пользоваться резиновой дрянью. Не любил я это: словно через скафандр целуешься. Но, разумеется, использовал. Ради неё и её желания. Да пошла Катя на хуй! Сейчас я трахну чуткую трепещущую в моих руках девчонку, а не шлюху, которая с мужем ебалась с презиком, а потом притащила домой букетик венеры!

Подхватил бабочку на руки, – какая же она маленькая! – и отнёс к кровати. Уложил на матрац, стянул юбочку, обнажая стройные бёдра, провёл нежно по выступающим косточкам: как подросток! Вздрыгнул:

– Сколько говоришь тебе лет?

– А тебе? – игриво переспросила бабочка.

– Тридцать два, – буркнул и потребовал. – Говори!

– Паспорт тоже показать? – протянула она, стягивая трусики и бесстыдно разведя ноги в стороны.

У меня при виде её лона словно в голове что-то переключилось, кровь забурлила, перед глазами на миг потемнело. Сдаваясь, я приник губами к её влажным терпко-сладким складочкам, терзая их, проникая в горячее лоно языком.

– Хорошо, – прошептала бабочка. Она выгнулась и, вцепившись мне в волосы, простонала: – Как же хорошо! Двадцать! Мне двадцать... О-о-о-о! Два... Двадцать два... Да!

Я врывался языком в её лоно, ласкал, мучил до тех пор, пока девушка не вскрикнула и, сжав мою голову, содрогнулась всем телом, а после обмякла. Лишь постанывала тихо и счастливо улыбалась. Я с рыком переместился выше и, натянув презерватив на колом стоящий член, хрипло проговорил:

- Теперь моя очередь!

И ворвался в неё одним движением: в горячую, узкую норку, да замер от восхищения. Как же приятно! Я ощущал, как мышцы её женского естества ещё содрогаются от пережитого оргазма, и это сводило с ума. Я приник губами к её рту и, страстно поцеловав бабочку, прошептал:

- Прости, у меня не получится... быть нежным... я слишком возбуждён.

- К ядрени нежность, - зло посмотрела на меня бабочка и, вцепившись ноготками в мои ягодицы, прошипела: - Трахни меня уже! Я едва не кончаю...

Просить меня дважды не нужно. Я потянулся назад, чтобы войти в неё снова, и бабочка подо мной извивалась, крича и ругаясь матом. А я не мог остановиться. Словно закружило в адском буряне охренительно ярких чувств, скрывая мысли, затуманивая разум. Остались лишь животные инстинкты и влажные порочные шлепки. Я едва волком не выл: как же узко! Как же кайфово!

- Я кончаю, - хриплю, не в силах противостоять надвигающейся волне, сносящей мозги, выворачивающей меня низнанку.

- Да кончай уже, мать твою! - раздирая мне спину в кровь, рычала моя хищная бабочка, но всё равно опередила меня.

Задрожала, глаза её заволкло влажной темнотой, из горла вырвался крик. Но я уже понимал, что она пытается сказать, меня будто штормом швырнуло на скалы, разбило словно утлое судёнышко, и миг острого оргазма едва не лишил меня возможности дышать.

Я упал на бабочку, и она захрипела, заколотила кулачками по моим плечам:

- Тяжёлый, как медведь!

– Прости, – перевернулся я и, глядя в потолок, рассмеялся. – Херассе, бабочка. Так я ни с кем не кончал.

Она перевернулась на живот и, подперев рукой голову, посмотрела хитро:

– Правда?

Я кивнул. Мне было так хорошо... и член всё ещё стоял. Я честно признался:

– Ещё хочу.

– Ум-м-м, – протянула бабочка и сползла по кровати ниже.

Через секунду я ощутил, как тонкие шаловливые пальчики сняли использованный презерватив, а вместо него головку обхватили горячие влажные губки.

Глава 6. Ева

Утро было сладким и болезненным. Внутри приятно потягивало, мышцы гудели от крепатуры, а между ног лежало что-то горячее и тяжелое. Оно распускало по коже трепет, нахрен выбивающий из меня любые страхи и сомнения, превращая ровное дыхание в хрип и стон. Хотелось потереться, прижаться, углубить прикосновения.

Какой прекрасный сон!

Я вытянула руки над головой, немного выгнулась и непривычно стукнулась о настенную лампу. Приоткрыла глаз и уставилась на панорамное окно, в которое проливалось синь Нью-йоркское небо.

Я не дома?

Ох, ты ж бля! Защитник на байке! И мы с ним всю ночь?! А-а-а... Папа меня покалечит! Нет, он кастрирует Билла. Так ему и надо за то, что не отпускал меня. Негритенок классный, но сильно строгий, с ним не поиграешься.

Мужская рука шевельнулась, передвинулась глубже между ног и ласково погладила меня, пробуждая новые и такие желанные импульсы. Воспоминания ночи вливались в память толчками, стонами, криками.

Это было охрененно! Не сравнить с мастурбацией! Это все равно, что плавать в луже, а не в океане. Это, как жрать крабовые палочки вместо лобстеров! Это все равно, что слушать синтезатор вместо рояля!

Я кончила раз двадцать, наверное. Не считала, потому что сорвало крышу напроць! Это было необычайно круто, и секс-машина с программой "Защитник" сейчас лежит рядом и лапает меня между ног.

Я смущенно закусила губу и приподняла голову. Первое, что увидела – это переплетения вен и шрамов на его плечах, руках, груди. Он будто выбрался из мясорубки. Даже на затылке крученая бороздка от затянувшейся раны, где волосы теперь не растут. Как он жив остался? Жуть!

Хотелось его трогать, целовать каждый рубец, слизывать фантомную боль, но когда мужчина пошевелился и повернул голову в мою сторону, я сообразила, что мне пора. Он меня узнает, а потом обо всем узнает папа. С него станется! И все – прощай моя звездная жизнь, а я не согласна все потерять из-за случайного перепихона.

Застыла, соображая, куда делись мои трусы и платье, и залюбовалась будто высеченными чертами Защитника. Волевой подбородок, нос крупный и ровный, лоб массивный и куча мимических морщинок, показывающих, что мужчина много хмурится, но и часто улыбается. Ярость и ирония в одном флаконе. Как эта крыса из бара променяла вот такого Аполлона на мерзкого костлявого уroda? Я еще там заметила эту разницу. Женщины – странные существа, да.

Осторожно выбравшись из стальных объятий и с разочарованием отодвинув теплую руку от промежности, я повернулась на кровати и не рассчитала расстояние – грохнулась на пол. Ну, все... Сейчас проснется, сфоткает меня – и весь интернет через минуту будет знать, с кем переспала знаменитая Джонси. А

потом и на весь мир разлетится. И... привет, Хацапетовка!

Я лежала на полу, таращилась в потолок (потому что копчик приказал долго нить от удара) и ждала вспышек или щелчков камеры, но ничего не происходило. Со стороны постели не было никаких признаков жизни.

– Он там хоть живой? – пошевелила я губами и взглянула украдкой на Защитника.

Мужчина мирно спал, приоткрыв крупные губы, нитка белоснежных зубов притягивала внимание, захотелось запустить язычок между ними, чтобы почувствовать снова его терпкий вкус. Нет, Ева, нужно уходить! Он – никто, и вам не по пути.

На густых ресницах Защитника плясали утренние лучи, короткие волосы торчали ежиком, а широкие ноздри раздувались от глубокого и спокойного дыхания. Красавчик... Заверните мне такого!

Но мне пора!

Я отползла в сторону, как бравый солдафон, все еще прячась за бортом кровати, и оценила погром, который мы устроили, пока трахались. Вот тебе и первый раз! Кстати, да, почему мне не было больно? Я даже не заметила потери девственности, все оказалось проще, чем я думала.

Такой первый раз я точно не забуду.

Платье нашлось в углу возле выхода, но оно было порвано почти до талии. Я не смогу в таком поехать домой. Твою ж...

Так, Ева, соображай быстрее!

А еще писать хочется, уже лопаюсь. Где тут у Защитника ванна? Может, там халатик найдется? Стоп! Он же был женат, значит, шмотки сучки должны остаться. На цыпочках исследуя квартиру, я нашла дверь в отдельное помещение со шкафом. И, конечно же, как истинный джентльмен, хозяин квартиры уничтожил все после изменницы – полки были девственно чисты с

одной стороны. Будто кто-то разрезал их жизнь на «до» и «после».

Я схватила мужскую темную футболку с полки и побежала тихонько в соседнюю дверь.

Но блаженство было недолгим: я успела облегчиться, подмыться в биде, заодно и проверила нет ли явных причин для беспокойства – потому что лоно все горело от активного секса и толщины члена Защитника. Половые губы припухли, но никаких других проблем я не нашла. Разве что на груди, будто синие розочки, выделялась парочка засосов, под ребром с левой стороны присохла царапина и несколько полосок разукрасили мой живот. Это я о тумбочку сама двинулась. Мужчина оказался на удивление очень аккуратным, хотя и страстным, как царь зверей.

Я облегченно выдохнула, потому что идти к семейному врачу по поводу разрывов и повреждений – это для меня слишком рискованно. Доктор Маркус доложит все отцу. Нафиг! На-а-афиг!

Я слегка приложила распатланные волосы, а когда собралась смыть потеки туши и подправить макияж, за стеной запиликала музыка. Мобильный?! Вот сейчас точно Защитник проснется!

Напялив футболку, я помчала на звук, благо слух меня никогда не подводил.

Глядя на экран, я на миг застыла.

«Сын» – горела надпись, а на меня с фото глазел мальчуган лет десяти. Я быстро сбила звонок и оглянулась. Прислушалась. Фух, кажется успела.

Кофе я пить не буду. Пожалуй, в другой раз, Защитник. Я осмотрела широкую кухню, где сиротливо пустовали рабочие столы. Здесь явно давно никто и ничего не готовил. Но зато на краю полочки для приправ лежало портмоне. Брать чужое нехорошо, но иначе я домой не доеду. Придется одолжить у тебя пару сотен, Аполлон.

Дернув из кошелька несколько крупных купюр, я вернулась в комнату. Передвигалась очень тихо, будто воровка, старалась обходить островки

использованных презиков. От осознания их количества у меня щеки горели. Босоножки я решила надеть уже на улице и, выбегая из спальни, чтобы покинуть логово ненасытного мишки, заметила край свисающей простыни и ржавое пятно крови на ней. Да елки-палки!

Так, Защитник все еще спит, я успею.

Вернулась на кухню, нашла нож потоньше и поострее и снова пришла в комнату. Вытягивать простынь из-под аполлонского медведя я не рискнула, потому оттянула испачканный край и нежно отсекала следы «преступления». А, что мужчина подумает потом, мне все равно. Пусть считает, что я взяла трофей.

Неожиданно Защитник приоткрыл веки и уставился на меня яростным взглядом. Я выронила нож, прижала к груди кусок ткани, схватила босоножки и дала деру.

Глава 7. Дима

Я сжимал упругую попку и примеривался боевым оружием, которое никак не могло насытиться этой безумной ночью, к узкой норке, в которую мой змей отчаянно хотел попасть, раздвинуть упругие стеночки, пробраться до самого рая... А бабочка нетерпеливо подмахивала и кричала:

– Твою мать, Защитник! Если ещё секунду будешь меня гладить там своим огромным членом, я кончу без тебя!

Я улыбнулся: никогда не встречал таких ярких, сексапильных, отзывчивых на каждое движение девчонок! Она, как тонкий инструмент, прикосновение к которому вызывает невероятные звуки, трогаящие саму душу. Она сделала меня, выжала полностью... Да! Это она трахнула меня, а не я её. Вытрясла из меня всё семя до капли, и гудящие яйца, казалось, висели пустыми мешочками. Это не девушка, а торнадо в юбке... Но лучше без юбки. Лучше без всего. Нет! Лучше всего – в ней.

И я был в ней снова, снова и снова за эту длинную, совершенно сумасшедшую, наполненную яркими вспышками оргазмов ночь. Бабочка ласкала меня ртом не

очень умело, зато с явным удовольствием. Ей нравилось трогать меня, лизать меня, кусать меня. Я видел это, чувствовал это, и это возбуждало так, что я трахался, как никогда в жизни. Без перерыва, без отдыха... Какой, к чёрту, отдых?! Я не мог напиться сладким любовным соком её лона, не мог наслаждаться острыми бутонами дерзко торчащей груди, не мог насытиться её стонами и спазмами настоящего, не симулируемого оргазма...

Она была настоящей, не скрывающей ни своих достоинств, ни своих недостатков... И с ней я бы настоящим. Она мне даже снилась, когда, после очередного бурного оргазма, я просто упал и вырубился. Так было лишь однажды, когда ещё служил. После недельного марш-броска отрубился на ходу. Благо, друзья подхватили, и я не плюхнулся мордой в болото и не утонул. В эту ночь я уткнулся лицом в сладкий девичий животик и был согласен сдохнуть прямо сейчас, потому что лучше уже быть не могло. Или могло?

Моя рука на горячем лоне была всю ночь. Даже во сне я не хотел отпускать бабочку, выходить из неё, но девушка была хрупкой, поэтому я ограничился пальцами... И, когда в какой-то момент вдруг не ощутил мягкой теплоты, резко распахнул глаза.

Бабочка стояла надо мной с ножом в руке и таким ужасом в глазах, что я застыл на мгновение. Я мог бы броситься, скрутить её, выдернуть нож, но не стал этого делать. Знал, что девушка не собиралась причинять мне вреда. Заметив в другой её руке кусок простыни, я окончательно охренел, а девчонка, воспользовавшись моей растерянностью, кинулась к выходу.

- Куда?! - взревел я и вскочил с постели: - Моя!

Да, моя! Я не хотел отпускать её, страстно желая продолжения ночного удовольствия, член торчал колом. Мне было по хуй, что я голый, что подумают соседи. Я бросился на перехват законной добычи, как... поскользнулся и, совершив умопомрачительный кульбит, растянулся на полу и грохнулся затылком.

- Блять, - простонал я, ощущая боль в многострадальном копчике и звон в ушах. Прошипел сквозь зубы: - Мать твою...

Перевернулся и поднялся на колени, Будто побитый пёс, сжимая челюсти, отмахиваясь от боли, только хотел вскочить, чтобы продолжить преследование, как взгляд упал на презик, который и был причиной моего падения. В ярких солнечных лучах я отчётливо увидел дырочки на латексе, и небольшой мешочек с семенем катастрофически протекал. Похолодев, схватил первую попавшуюся порванную упаковку и, заметив множество дырок, выругался сквозь зубы:

- Вот же сука!

Рванул к коробке с презиками и, высыпав их на кровать, проверил: да, бывшая не поленилась проколоть иглой все квадратики! Больная стерва! Смял в ладони испорченные презервативы и покосился на дверь: надеюсь, я от бабочки ничего не подхватил... Придётся наведаться к доктору. Так, для душевного спокойствия.

Преследовать девушку я уже не стал. Во-первых, судя по зажатым в её пальцах вместе с куском простыни купюрам, она наверняка уже прыгнула в тачку и исчезла. А во-вторых... Зачем ломать кайф? Это была охуительно классная ночь с незнакомкой. Я как следует развлёкся. На этом всё. Даже хорошо, что она сама сбежала, не было ни неловкости, ни напряжения, как это всегда бывает утром между случайными партнёрами.

Но и чувства вины не было. Бабочка вчера была нетрезвой, но вполне вменяемой. Я разлёгся на кровати и посмотрел в потолок: на девушке моя футболка смотрелась, как платье... Тёмная ткань съехала, обнажая хрупкое плечико руки, в которой бабочка держала нож. Член снова напрягся, и я фыркнул:

- Отбой, приятель. Я тобой не займусь, а больше некому. Пока.

И снова провалился в обновляющий сон. Да, конечно, неприятно, что Катька подложила напоследок жирную свинью. Бывшая вела себя так, словно это я ей изменил, а не наоборот. Всё из-за Максимки. Надо позвонить сыну... когда проснусь.

А бабочка чудо, как хороша! Мне до сих пор слышались её стоны и крики. Когда пойду в больницу, попрошу смазать царапины на ноющей спине. Но какая же это приятная боль...

Деньги стащила? Смешная! Испугалась, наверное, что ругаться буду, вот и сбежала. Но зачем ей простыня? И ещё какая-то мысль мелькнула, когда засыпал. Что-то связанное с беспокойством и презервативами. Всё потом. Я наконец могу спокойно выспаться. Впервые после этого чудовищно неприятного процесса развода. А завтра начинается новая жизнь. Я готов к ней...

Во всяком случае, так считал. Интересно, не засни я тогда, догони бабочку, сложилось бы всё иначе?

Глава 8. Ева

Папа орал на меня несколько минут, а я, откинувшись затылком на удобное кресло, вспоминала, как еще три недели назад Защитник распахнул глаза и кинулся меня преследовать. Я чудом сбежала. Так страшно стало, аж мурашки по коже до сих пор, и соски снова съежились от колючего возбуждения. Этот мужчина не просто опасен, он сексуально-эротично опасен! И, бля-я-я, я снова его хочу. Все эти дни размышляла, купить, что ли, его на пару дней? Ну, а что? Денег у меня достаточно, а он на байке, в простой квартирке. Не, квартирка непростая, но у меня особнячок получше будет.

Или устроить очередной побег от папочки? А смысл? Я думала, что знала, где страстный мишка живет, но, в очередной раз ускользнув от охраны, не нашла то место. Так обидно! Хоть бы удалось случайного таксиста отыскать, но я не запомнила ни номера, ни марку машины!

– Ева, ты меня слышишь? – жестко окликнул меня отец. – Ты доигралась! – он сидел за столом, и сейчас воспоминания о пощечине на помолвке делали из меня настоящего колючего монстрика. Ему это не сойдет с рук, я никогда не прощу. Никто не смеет меня унижать и обижать. Я глаза выцарапаю, яйца разобью в омлет, буду кусаться и противостоять, но в обиду себя не дам. Но только отца в ответ я ударить не могла, рука не поднималась. Зато у меня есть другое оружие: я могу стать еще более паршивой дочерью и окончательно отпетой стервой.

– И какое же наказание ты мне придумал? Встать на колени перед тобой? Па-почка!

– Что ты несешь? – он туже сжал кулаки.

– Или подставить тебе другую щеку? – я приподняла голову и, прищурившись, бросила в отца взгляд «мне похрен, что ты там вякаешь». Я ему этот удар буду до гроба вспоминать!

– Хватит, Ева, – спокойней сказал он и вытер ладонью лицо. И так больно было видеть, что я пошла в него: темно-медные волосы, глаза синие и характер скверный. Я жутко не хотела быть на него похожей, но все равно была! Даже поджимала губы, как он! Даже улыбалась, как он! Даже прищуривалась... Нет бы в маму, чтобы она осталась памятью в отражении зеркала, а так... я даже представить ее не могу. Старое фото – все, что у меня от нее осталось. Когда думала о маме, она представлялась в размытых образах, нечетких ликах, и от этого было хре-но-во.

– А что «хватит»? Хватит жить? Дышать? Смеяться? Что ты хочешь, чтобы я перестала делать? Я же твоя вещь. Приказывай!

– Остановись, дочь. Я полгорода на ноги поднял, чтобы опять тебя найти. Зачем ты сбежала? Ведь это опасно, неужели ты не соображаешь?

– Мне пофиг! Надоела твоя платиновая тюрьма, – я посмотрела на свои ногти, а потом пропустила пальцы в волосы. Казалось, они до сих пор пахли домом Защитника, возбуждали, возвращали меня в маленькую квартирку, где я сходила с ума от вспышек наслаждения. Как же хочется еще...

Но нужно нырять с головой в реальность. Во-первых, я никак не смогу отыскать его. А во-вторых... Папа никогда мне не позволит связаться с похожим на бандита мужчину, да и моя судьба давно уже предрешена. Через неделю я стану женой сына Дональда Дрэйка – владельца крупной авиакомпании, а еще Пре-е-ескот – перспективный актер и, якобы, мой друг детства, с которым мне будет хорошо. Ну, это папа так считает. Брррр... Отец заикался, зачем ему нужен этот союз, но я не особо слушала. Не люблю коммерцию, политику и скучную хрень. Сказали «надо»? Ну и ладно. Дайте мне только в пользование несколько любовников, и сливайте-объединяйте многомиллионные компании, сколько вам влезет. Только музыку не забирайте, умоляю.

Но папа же не такой! Он проследит, чтобы я была примерной женой, потому что все еще верит в институт семьи. Сам бы женился, так нет – до сих пор верен маме, даже проституток не нанимает и любовниц не заводит. Наверное, у него между ног уже все давно засохло. И, честно сказать, я его за это очень ценю. Не признаюсь в этом никому, но в глубине души уважаю. Потому что любить так, чтобы на всю жизнь – сказка, в которую я верила всегда, но знала, что она не обо мне.

Одного не понимаю. Зачем тогда он выдает меня за нелюбимого?

– Где там твой хлячок Прэскот? – я крутанулась в кресле, села поперек и выставила перед собой ноги, вольготно скрестив стопы на углу стола. Узенькие шорты натянули бедра, а маечка, что я накинула впопыхах, когда папа вызвал меня к себе, приоткрыла уже подживший исцарапанный живот.

Три недели прошло после сумасшедшей ночи, а я все еще не могу забыть Аполлона Защитника и даже два дня не хотела мыть голову, чтобы сохранить его запах.

Так! Ева, прекращай слюни пускать, пора идти дальше.

Я прикрыла кожу на талии ладонью, где остались шрамики на память о самой ошеломительной ночи в жизни, и непринужденно сказала:

– Что там нужно для закрепления помолвки? Отсосать Прэскоту? Или трахнуть с ним? – да, папочка, я молчать не буду. Хотел куклу продать? Продавай, но я не собираюсь корчить из себя покорность. Ни-ко-гда.

– Билл тоже уволился, – будто не услышав мою пошлость, жестко отрезал отец. – Ты добилась своего! Но это не конец, дочь. Я нанял другого охранника, и он будет находиться с тобой двадцать четыре часа в сутки до самой свадьбы с Дрэйком.

Я едва ручки не потеряла от удовольствия. Новую жертву всегда приятно выводить из себя. Это же весело! Вот и выход из ступора, прямо палочка-выручалочка, а не папа! Вот и возможность выбить из себя ненужные воспоминания. Ну, покажите мне мою цацу! Снова негритенок, или в этот раз будет кореец? Ох, азиатские мужчины такие крутые, горячие, мускулистые, и

искушать их проще-простого. Или это крепыш-коротыш американец?
Перекачанный тестостерон на ножках. Ну, же! Где моя новая игрушка?!

Но когда охранник зашел в кабинет, весь подобранный, в строгом черном костюме, едва не хрустящем от чистоты, ростом в два метра с хвостиком, широкими плечами и витыми шрамами на шее, я не сдержалась и выдала:

– Охренеть!

Глава 9. Дима

Я рассматривал сладко пахнущую женщиной и сексом обрезанную простынь, когда зазвонил телефон. Увидел лицо сына на экране и поспешно засунул тряпку в шкаф, не глядя. Словно сын за постыдным меня застукал.

Улыбнулся мыслям и ответил:

– Привет, Макс.

– Ты почему звонок сбросил? – с лёгкой злостью в голосе спросил он. – Не хочешь разговаривать? Не соскучился?

– Прости, – губы мои растянулись ещё сильнее. – Я устал вчера, уснул крепко. Сбросил вызов не глядя.

– Ага, – язвительно хмыкнул Максим. – Крёстный был прав. Ты правда напился и отпраздновал свободу со шлюхами?

Я сжал челюсти. Орлов, как и прежде, не сдержан в выражениях. Попросил сына:

– Не слушай дядю Макса. Он глупости говорит.

– Знаю, – звонко рассмеялся сын. – Тётя Пелагея ему так же ответила. Сказала, что таких верных, как ты, больше не существует. И это крёстному не понравилось. Очень!

– Могу представить, – ухмыльнулся я. Поля, как и раньше, за словом в карман не полезет. Уколет так, что и ругать не нужно. – Как дела? Чем занимаешься?

Пока Максим с восторгом рассказывал, как помогал тёте Поле организовать экскурсию для детей из приюта на лосиную ферму, я уселся на перестеленную кровать и, опираясь локтями о колени, с удовольствием слушал. Столько эмоций у мальчишки! Простого общения не купишь за деньги, да и русский подтянет, пока гостит у Макса. Скривился: главное, чтобы не наслушался любимых словечек моего несдержанного друга.

После разговора с сыном позвонил Макс:

– Ты дочери своей тоже рассказываешь, как папа шлюх снимает?

– И тебе здравствуй, – хмыкнул Орлов. – Тебе Макс наябедничал, или Поля пожаловалась? Ну, сказал... вернее, ляпнул разок. Не думаю, что нужно было рассказывать, пацану, что ты наакался в одиночестве и навек зарёкся иметь с бабами дело. То, что одна из них оказалась гнилой, не значит, что нужно завязать член морским узлом.

– Ничего не нужно было говорить, – проворчал я. – Молчи побольше в присутствии моего сына, у Пелагеи лучше получается с детьми общаться. Не удивлюсь, если первое слово твоей дочери будет нецензурным.

– Не удивляйся, уже случилось! – рассмеялся Макс. – Мышка уже прочитала мне лекцию на этот счёт. Не добавляй дров в костёр. Но я не жалею. Пусть лучше вырастет колючей, чем шёлковой. Меньше неприятностей в жизни будет...

– Не скажи, – я вспомнил свою бабочку. – Такие колючки быстрее находят себе кучу приключений на упругую попку. Так что я согласен с Пелагеей. Как раз вчера одну бабочку колючую вытащил из-под подонков.

– Ого, – уважительно протянул Макс. – Да я ошибался в тебе, дружище. Думал, ты сопли жуёшь, рыдая по сучке Катеньке, а ты уже нашёл себе развлечение? И как она?

– Как? – я откинулся на спину и, глядя в потолок, улыбнулся: – Колючая до невозможности, сладкая до потемнения в глазах, ненасытная до полного изнеможения...

– И когда познакомишь? – рассмеялся Макс.

– Никогда, – сухо отрезал я.

– Ну-ну, – насмешливо отозвался друг. – Судя по тону, эта девушка тебя зацепила, Винни, так что не прячься в своей берлоге, а выходи на охоту. Лови, пока не прицепилась твоя сладкая колючка к другому мишке.

Я едва не разбил телефон о стену, но, оценив жёсткую шутку друга, зло расхохотался. Только Макс может напомнить мне детскую кличку и остаться в живых. Но следовать совету я не собирался:

– Эта ночь лишь начало новой жизни. Сладкая, но короткая сказка. И, Макс, придержи коней. Ещё раз ляпнешь что-нибудь исконно-русское моему сыну, больше крестника не увидишь.

– Ещё чего, – ответил друг. – Своего будущего зятя я буду видеть очень часто, Дэ-ми! Сегодня возьму в офис, пусть знакомится с бизнесом.

– Ещё чего не хватало, – недовольно буркнул я. – Хватит забивать парню голову. Подрастёт и сам решит, кем хочет стать.

– Как папашка, поставлять тело под пули? – ехидно уточнил Макс. – Ну уж нет. Я найду крестнику местечко потеплее. Думаю, для начала пусть поработает курьером, к шестнадцати будет менеджером, в восемнадцать отпишу ему бизнес в Вегасе.

– Всё, пора забирать пацана, – возмутился я и добавил тихо: – Орлов, пусть хоть у наших детей будет нормальное детство. Я достаточно богат, чтобы Максимка

занимался чем хочет и не думал о деньгах.

Макс помолчал минуту, затем сухо попрощался. Я же лишь вздохнул: не переубедишь. Однажды потеряв всё, он всегда готов к худшему. Мы оба, переломанные судьбой, когда-то едва выплыли. Но Орлов твёрдо убеждён, что научиться летать, можно лишь выпав из гнезда.

Я коснулся татуировки на груди. Она не была похожа на ту, что украшала тело Макса, но мало кто знал, что эти два рисунка – две половинки одного целого.

Глава 10. Дима

Я вернулся в квартиру после очередного задания. Три недели охранял жену и детей отчаянного журналиста, который не побоялся пойти против одного из теневого авторитетов... Вот только беспечный отец семейства, увлекшись политическими играми, не подумал о том, что близкие могут пострадать. Жена его работала на довольно высокой должности в банке, поэтому могла себе позволить нанять лучшую охрану. Злодей был разоблачён, только, увы, репортёра больше никто не видел. Но угроза семье отпала, и мой контракт был исполнен.

От воспоминаний меня отвлек неожиданный звонок. Глянув на номер, я удивился, но ответил на родном языке:

– Сергей? Какими судьбами?

– Привет, Дэми, – по-английски проговорил Комаров. – Можешь приехать ко мне?

Я знал, что однажды он позвонит, что в один прекрасный день попросит, и я не смогу отказать. Вздохнул: наконец, это случилось. Разумеется, приеду. Придётся отложить поездку в Россию и отказаться от нового контракта. Новая жизнь пока не наступила, ещё придётся отдать старый долг.

Через час я уже входил в светлый и блестящий обилием хай-тека в обстановке кабинет миллиардера Комарова. Вот он, мой укор из прошлого, Сергей, стоит у

большого стола. Время не пощадило его: голова с проседью, на гладковыбритом лице глубокие складки морщин, синие глаза усталые и печальные.

И тут одно из огромных крутящихся кресел повернулось, и я столкнулся взглядом с ней. Тонкая фигурка, длинные ноги, откровенный топ и колючий взгляд синих, как и у Комарова, глаз.

Бабочка!

Трёх недель как не бывало. И цепкий взгляд, и откровенный наряд, и вызывающе торчащая грудь без бюстгалтера – всё как в ту сказочную ночь.

– Охренеть! – выдала девушка. Окинула меня выразительным взглядом и вдруг саркастично скривилась: – Так это и есть моя новая игрушка, папочка? Мне нравится. Красавчик, как с обложки порно-журнала! Посмотрим, сколько он протянет и будет ли делать мне приятно, как остальные тело-Защитники.

Я с трудом оторвал от неё взгляд и поднял глаза на Комарова. Сердце тяжело заколотилось в рёбра. Так она дочь Комарова? Я провёл ночь с дочерью того, кому обязан жизнью? Вот так я отблагодарил Сергея за его жертву? По спине пополз неприятный холодок, и я невольно сжал кулаки...

– Не горячись, давай поговорим, – торопливо произнёс Комаров, думая, что я разозлился на слова бабочки. Сергей посмотрел на дочь и сурово добавил: – Сиди смирно. Мы скоро. Не вздумай сбежать, иначе заблокирую кредитки.

Девушка закатила глаза и фыркнула. На меня посматривала странно, словно оценивала, сколько я стою, и меня передёргивало от этого. А той ночью она казалась такой естественной: колючей, но лёгкой. Сейчас же моя бабочка, словно по мановению волшебной палочки, превратилась в высокомерную стерву.

Это я видел тысячи раз. К чувству вины добавилось разочарование. Оно разлилось в груди обжигающим ядом. Я был прав, Макс, не стоило выходить на охоту. Лучше бы бабочка оставалась сладким видением и приятным воспоминанием.

Комаров утянул меня в гостиную и, тщательно прикрыв дверь, вдруг схватил меня за руку.

– Дима, прости. Мне действительно очень жаль, что приходится просить тебя, но... – он отпустил мою руку и нервно крутанулся на месте. Вцепившись себе в волосы, простонал: – Не знаю, что делать. Ты моя последняя надежда.

– Комар, не томи, – заглушая чувство вины, процедил я. – Что тебе нужно? Что всё это значит?

Комаров опёрся ладонями о стену и уронил голову на грудь.

Таким я знаменитого Комара, кличка которого в своё время наводила ужас на всех гопников в родном городе, и который вытащил меня, ещё пацана, из смертельной западни, не видел ни разу. Казалось, он постарел не на пятнадцать, а на все тридцать лет.

– Она невыносима! – простонал Сергей и пояснил: – Моя дочь. Я вырастил монстра! Она же настоящий гризли в юбке!

Я невольно усмехнулся, вспоминая Макса. Заметил осторожно:

– Непохожа. Вполне... – запнулся на мгновение и выдавил: – Вполне милая молодая девушка.

– Издеваешься? – глянул на меня Комаров. – Исчадие ада! Она, видите ли, не может жить без музыки. Хочет петь, но...

– Не получается? – язвительно усмехнулся я.

Это похоже на мою колючую бабочку: упрямо лезть вперёд, даже если не наделена голосом и слухом... Хотя, нет. Голос у неё сексуальный. От воспоминания, как девушка стонала и кричала подо мной, участилось дыхание, и кровь прилила к паху. Гадство! Стояк сейчас совсем некстати. Пришлось даже повернуться и немного отойти в сторону.

Сергей помотал головой:

– Увы, получается. Слишком хорошо получается, – он посмотрел на меня с лёгким удивлением. – Ты не узнал её разве? Это же Джонси!

– Я не слежу за... – хотел было сказать «звездами», но вовремя спохватился: – Я слушаю лишь тяжёлую музыку.

– Рок навсегда, – невесело хмыкнул Комаров и вздохнул.

– Так в чём дело? – вернул я его к разговору. – Она хочет заниматься музыкой, и у неё получается. Почему «исчадие ада»?

– Она совершенно не заботится о безопасности, – рубанул рукой воздух Комаров. – Всё время на виду! Постоянно убегает от охраны. Калечит парней. Репутация уже такая, что никакие деньги не помогают нанять новых людей... Новых надёжных людей, имею в виду! Ты моя последняя надежда.

– Что так? – невольно поморщился я.

Не улыбалось охранять поп-звезду, слушать чёрти-что, отбиваться от фанатов, да ещё и видеть каждый день ту, кого...

Я медленно выдохнул, мысленно приказывая схлынуть возбуждению. То, что она рядом, в соседнем кабинете, уже действовало на меня, как пачка виагры. О том, как мне смотреть в глаза Комарова, уже молчу. Нет, нужно всеми правдами и неправдами отказаться. Найти людей... Да я им сам заплачу! Лишь бы избежать намечающегося ада.

Комаров приблизился так, что я ощутил его тяжёлое со следами вискаря дыхание. Нахмурился: он пил с утра? Не к добру. Сергей прошептал:

– Ей нельзя знать, но...

Он молча протянул свой телефон. При виде фотографий писем с откровенными угрозами и описанием того, что некто намерен сделать с Джонси, у меня похолодела шея. Но...

– Слова – это лишь слова, – рассудительно сказал я. – Ты сказал, дочь звезда. Многие из них получают такие вот письма.

– Но только Джонси получает их со всех концов света, – заметно побледнев, ответил Комаров. – А ещё посылки с её одеждой... – Он с трудом проговорил: – Ношенными трусиками. – И посмотрел на меня с яростью: – Как, твою мать, её позавчера купленные трусики, оказались в Сиднее?!

– Полиция? – уточнил я без особой надежды.

– Издеваешься? – потёр припухшие веки Комаров. – Я нанял людей, но ничего. Ни отпечатков, ни идентификации по почерку... Даже отслеживание почтовых отправлений и курьерских служб ничего не дало. Некто использует случайных наёмников и не оставляет следов.

Я задумался: херово получается. Этот сталкер не из безобидных. По опыту могу сказать, что подобное преследование ничем хорошим не заканчивается.

Сергей вцепился в мои плечи и, не отрываясь, взмолился:

– Всего неделю! Умоляю, Дэми. Через неделю она выйдет замуж, и этот кошмар закончится.

Упоминание о близкой свадьбы бабочки неприятно царапнуло грудь. Я зло спросил:

– Почему ты уверен, что закончится?

– Я советовался с психологами, – пояснил Комаров. – Моя дочь ещё девственна, и маньяк это знает. Рядом с Джонси, при всей её эпатажности, не было ни бойфренда, ни жениха. Если она выйдет замуж, то он отстанет... Вероятность, как сказали специалисты, восемьдесят процентов!

Он ещё что-то говорил, а у меня в голове пульсировало: девственна?! Нет, не может быть. Да, она была невероятно узкая внутри, но при этом ни смущения, ни боязни я не заметил. Скорее всего, Комаров плохо осведомлён о личной жизни бабочки. Впрочем, как и все отцы. Мысль о том, что Комару не составит труда

узнать о романе дочери, я проигнорировал. Какие романы? Девчонка тупо сбегала от охраны и проводила ночь со случайным партнёром. Одним из них стал я. И вряд ли был первым. Стало чуточку легче дышать.

Разумеется, я соглашусь. И не потому, что распутная дочь Комарова в опасности. А потому что мой долг никогда не оплатить. Так и решил.

Глава 11. Ева

Когда дверь захлопнулась, я вскочила.

Какого хрена он пришел?! Ах, да, новый охранник. Но почему из миллионов достойных мужчин папа выбрал именно этого?!

Я укусила кончики пальцев и заходила по кабинету. Что делать? Что же делать? Этого сломить и вывести из равновесия себе дороже. Я раньше сломаюсь и буду на коленях умолять, чтобы мишка меня трахнул, чем он хряпнет дверью и свалит в туман.

Мамочки, во что я впуталась?

А может, папе рассказать, что мы с Защитником вытворяли, когда я сбежала с помолвки? Описать в красках нашу трахо-ночь? Он будет ра-а-ад да и вышвырнет охранника в первую секунду. М... Я повернулась к столу папы и чуть не снесла бедром стопку документов.

Нет, этот козырь я оставлю на закуску, ведь всегда можно воспользоваться ситуацией в свою пользу, а пока... поиграем, жадный мишка. «Моя» говоришь? Буду твоей: занозой, колючкой, дурным бесконечным кошмаром. Ты надолго меня запомнишь!

Я потеряла ладони, свела ноги, прогоняя покалывание внизу живота от прилива крови, смахнула с груди ощущение невыносимого возбуждения и, услышав, что мужчины возвращаются, прыгнула в кресло и закинула пяточки на стол, будто меня ничего абсолютно не торбашит.

Только бы стук сердца не выдал, как тревожно от всего этого, только бы суметь держать маску стервочки до конца.

– Папа, я могу удалиться? Мне к концерту готовиться, – проныла я, стоило двери открыться. Я расслабленно повернула голову, натягивая на лицо выражение «как вы все меня достали», но вместо отца в кабинет вошел новоиспеченный охранник.

– Не можешь, – он присел на краешек стола и посмотрел так, что до костей пробрало. – Я теперь твой папа, брат, муж, бойфренд и поклонник в одном лице. Если надумаешь звать маму, зови меня. Моё имя Дэми. С этой секунды я твоя тень.

Я дернула ножкой, провела пальчиками по своей голени и протянула:

– Му-у-уж, значит? Нет, лучше жених. Ты мне больше нравишься, чем Пре-е-ескот, – рука скользнула выше и подцепила пояс шорт, ладошка нырнула глубже, и пальцы коснулись набухшего бугорка. Ты такой красавчик, Дэ-э-э-ми, можно кончить от одного взгляда...

Глаза его сузились, полыхнули тёмной зеленью, а уголок рта пополз вверх.

– У тебя пять секунд для этого, – ровно проговорил он. – Пять, четыре, три, две...
– Защитник оторвал от меня взгляд и поднял голову: – Всё, Сергей, мы договорились. Она будет послушной девочкой.

Ладно. Сейчас ты выиграл, красавчик. Это сказали ему мои глаза. Я поднялась с кресла и подошла ближе к Дэми, не стесняясь папы за спиной. Понюхала свою руку, а потом лизнула палец, которым себя ласкала, взяла его в рот целиком. Ну? Что скажешь, Аполлон Медведевич? Потянешь мои выходки?

– А переодеваться я могу при тебе? Ты приставать не будешь? – говорила и щурилась, отлавливая малейшие перемены на мужественном лице. Какой же он... красивый, охренеть, и... холодный. Но я тебя разморожу, белый мишка.

Я подалась чуть ближе, слыша, как стучат за спиной каблуки отца, закрыла собой охранника и еле-еле коснулась пальцем его стиснутых губ. Только потом

развернулась и выдала:

– Я теперь могу идти, папуль? Мне нужно выбрать охуительный наряд к концерту. Цацу можно сразу забрать? – мотнула головой назад и, подцепив рукой темно-синий галстук Дэми, слегка потянула на себя.

– Ева! – рявкнул отец.

– Не стоит повышать голос, – спокойно проговорил Дэми. Взял руку, удерживающую галстук, и крутанул меня вокруг своей оси, словно в танце. – Ваша дочь права. Раз ей пора работать, я буду её сопровождать. – Он как-то слишком серьёзно переглянулся с отцом, не понравился мне этот колючий взгляд. В груди шевельнулось что-то опасливое, будто хищник затаился неподалёку. – Я не отстану ни на шаг, – пообещал новый охранник так мрачно, что мурашки по спине побежали, а потом перевёл взгляд на меня и едва заметно усмехнулся: – Да, ты можешь переодеваться при мне и даже ходить в туалет, не беспокоясь ни о чём. Будь уверена, я на тебя не посмотрю, как на женщину. Можешь не стараться.

И, опустив мою руку, снова переглянулся с отцом.

Это мы еще посмотрим. Не посмотрит он! Я то помню, как три недели назад скакала на тебе, кончая и разрываясь на тысячи осколков от твоей мощи и толщины. Неужели ты забыл, мишка? Ведь это ты говорил, что с ни кем и никогда так не оргазмировал. Вряд ли такая ночка быстро забудется, а я буду монотонно напоминать. Буду искушать и путать твои мысли, пока не сорвешься. Вода камень точит, а ты от меня торчишь, я знаю.

Но сейчас в его глазах можно было утонуть. И замерзнуть. Это немного пугало, хотя что мне терять? Я все равно в золотой папиной клетке и все равно выйду замуж через несколько дней за мужчину, от которого тошнит. Плевать, что будет потом – сейчас я хочу развлечься, и этот мишка отличная возможность. Я его так упрямо искала, чтобы купить, а он продался сам. Ха-ха-ха.

– Мне нужно в душ, – я порочно облизнулась и, качая привлекательно бедрами, пошла в комнату. Я знала, слышала, что он идет следом. Мой слух никогда не подводил, хотя двигается мишка на диво тихо, и я была уверена, что он пялится на мой зад. Мини-шортики сыграли мне на руку, и очень хотелось обернуться, но

пока рано – нужно добить жертву, довести до кондиции.

А потом уже наслаждаться его язычком и страстью.

Я пока не понимала, зачем играю, искушаю, веду нас к пропасти, ведь мне и самой тяжело находиться рядом. Как же я соскучилась! Он же меня заводит, чертов русский броненосец! Это не кореец и не негр, что совсем меня не привлекали. Это же ночной защитник, мать твою! И я его хочу. До сих пор между ног горит от его толчков и ласки, и воспоминания свежи, будто это вчера было, а не три недели назад.

Дверь в комнату я не стала открывать. Раз уж Дэми моя цаца и прислуга, что хочу, то и буду с ним творить, пусть унижается и обхаживает меня. Но по плечам вдруг скользнул неприятный холодок: а если я для него была просто одноразовым развлечением? Как-то больно это осознавать. Он-то и не думал меня искать, а при встрече и глазом не моргнул, будто не было ничего.

Ну уж нет! Я не стану резиновой дыркой на раз. Этого не будет. Ты будешь страдать, раз уж попался ко мне в лапки. А коготки у меня острые, не вырвешься.

Глава 12. Дима

Я стоял и, заложив руки за спину, тщательно осматривал помещение гримёрки. Сюда нас с Евой привёз фургончик... Я сразу выслал Комару счёт на новую машину. Заказана она была для другого клиента, но... подождёт. А эту рухлядь с разболтанной подвеской и хлипкими дверцами пусть себе забирает. Да её и взрывать не нужно – стукнуть легонько о ближайший столб, сама развалится. Сергей ответил, что новая, а я посоветовал стукнуть о тот же столб того идиота, который купил фургон. И, заодно, проверить его счета, куда он перевёл разницу между суммой по документу и реальной стоимостью тачки.

Да, Комар явно не особо интересуется дочерью. То есть, на словах волнуется, но на самом деле ничего о ней не знает. Даже не видит, на какой машине Ева катается. Сергей что-то говорил о её подозрительных друзьях, но то, что я видел

за кулисами, пока не было подозрительным. Гримёрша с накачанными силиконом губами отчаянно виляла передо мной бёдрами, но на Джонси смотрела, как на сошедшее с небес божество. Пока вне подозрений.

Костюмера в обтягивающих джинсах, которые обнажали половину задницы, мне хотелось придушить на месте, потому что предлагаемые Еве костюмы скорее подходили для ночного города, чем... Я вздохнул: что я знал об эстраде? Если не обращать внимание на полное отсутствие вкуса, видно, что парень думал лишь о работе. Нет, он тоже вне подозрений.

Но то, что у девушки воровали личные вещи означало одно – либо сталкер в её личном окружении, либо у преступника есть выход на того, кто пользуется доверием девушки.

Закончив осмотр, я развернулся и замер, не в силах отвести взгляда. Она стояла посередине гримёрки, обнажённая и прекрасная, словно хрупкая нимфа. Тонкий стан её сиял белизной оттенка слоновой кости, маленькая упругая грудь оттенена тугими бутонами тёмно-розовых сосков, губки на полностью эпилированном лобке вызывающе приоткрыты. Кровь тут же забурлила в венах, прилила к паху, где всё будто одеревенело.

Ева смотрела мне в глаза, не отрываясь ни на миг, пристально, изучающе. Я стоял, надеясь, что одежда скрывает каменный стояк. Зря я каждый вечер вынимал ту самую простынь. Зря я вдыхал женский аромат, смешанный с моим. Зря вспоминал о колючей бабочке и желал хоть раз снова увидеть её.

Не загадывайте желаний, они могут сбыться не так, как хотелось. Вот она передо мной, прекрасная и доступная, смотрит так, будто готова отдаться мне при всех, но...

Это, мать её, дочь Комара! Я с трудом оторвал взгляд от перламутрового лобка и отвернулся.

– Мишка хочет сладкого? – тихо засмеялась Ева, а когда я зыркнул на нее в отражение зеркала, огладила взглядом мой пах, а затем плавно нагнулась, чтобы натянуть чулки. Сначала одну ногу, затем вторую.

Я судорожно вдохнул и задержал дыхание. Спинку изогнула, будто ласковая кошечка, попку отклячила – видит, что хочу её, знает об этом. Женщины всегда знают, чувствуют... А мы их. И, сцепившись раз, так трудно оторваться. Как же больно отрываться!

Чем дольше длился наш брак, тем реже Катя кончала подо мной, больше делала вид. Я видел по глазам, что она не со мной, что думает о чём-то другом. Как же гадко было узнать, что не о чём, а о ком. Ходили слухи, что Том что-то употребляет, но парень хитёр, да и Катька не проста. Я перебрал все её вещи, но не нашёл наркотиков. Лишь один странный пакетик, который хотел отдать другу из полиции на экспертизу, но тот странным образом исчез.

Задумавшись о бывшей, я и сам не заметил, как всё возбуждение улетучилось, словно тепло из распахнутой настежь двери в морозный день.

Едва не усмехнулся: а вот и лекарство. Тяжело защищать объект, если он не обезличен. А Ева... она моя колючая бабочка. Желанная... Я не мог её защищать и не мог отказать Комару. Но, вспоминая о Кате, смогу совладать с собой. Вместо Евы я буду видеть мою бывшую. Они даже чем-то похожи... Нет, совершенно не похожи. Но я сделаю вид, что это так. Потому что только так я смогу защитить свою бабочку.

Блять! Только так я смогу защитить объект.

Снова прискакал мужчина в сползающих джинсах и покрашенными глазами, и начался такой переполох, что пришлось отойти к двери и оттуда пристально наблюдать, чтобы объекту, похожему на мою бывшую, не причинили вреда, и заодно приглядываться к тем, кто окружает Джонси.

Их слишком много! Парикмахеры, стилисты... Менеджер, которым Ева крутила, как хотела, а тот готов был облизывать ей пальцы на ногах. Мне этот метросексуал сразу не понравился. Смотрит на бабочку, словно она из нектара слеплена. Надо приглядеться к гаду, а лучше спросить, не он ли таскал её трусики для преследующего девушку подонка.

Шум нарастал, прибежала девушка с выпученными глазами. Я так и не понял, это у неё неудачная пластика или же произошло действительно что-то из ряда вон выходящее.

– Джонси! – заорала она так, словно беременна, и у неё воды отошли. – GTV с программой «Случайная звезда» в зале!

Если бы в гримёрке взорвалась бы бомба, я бы так не оглох, как сейчас от бьющей по мозгам радости всех присутствующих. И лишь полная искреннего счастья улыбка на лице объекта примирила меня с неизбежным звоном в ушах.

Менеджер потянул Джонси к выходу, но я осадил хлыща.

– Я иду с ней рядом. А ты в пределах видимости.

Он всплеснул руками, оглядел меня так, словно только что заметил, и, обернувшись к Еве, визгливо спросил:

– Звезда моя, кто этот неотёсанный чурбан?

Девушка обернулась, шагнула ближе и нагло потянула меня за галстук. Заулыбалась так, что захотелось запечатать ее рот поцелуем.

– Это ручной песик-защитник! Не пускай слюни, не по твоей части. Он мой! – последнее она сказала почти мне в губы, но не прикоснулась, а передвинулась, поднялась на цыпочки и шепнула на ухо: – После выступления я буду очень мокрая... Дэ-э-эми...

Она отстранилась, похлопала ладошкой по моей груди и добила:

– Не своди с меня глаз, мишка. Все для тебя, – и повернулась к сцене.

Глава 13. Дима

Я сжал челюсти и решительно отодвинул от объекта всех сопровождающих. Шёл следом, стараясь держать перед глазами образ Кати. И едва прикрытая попка Джонси уже не так нервировала меня. Объект. Она объект! И не сводить с неё глаз – моя работа.

Когда Джонси выскочила на сцену и, подняв руки, плавая в лучах софитов, заулыбалась шумным зрителям, я скользнул вдоль боковых штор. Зазвучали первые звуки музыки, – терпеть такую не могу: ритмичные биты, плоские мелодии. А вот Катя обожала. Это хорошо. Чем больше у этих двух будет похожего, тем проще мне будет пережить эту неделю.

Запнулся за валяющиеся коробки и едва сохранил равновесие. Чёрт! Да тут о технике безопасности слышали? Надо будет с этим менеджером по душам поговорить. В отдельной комнате. Желательно звукоизолированной.

Заметил какого-то прыща за полотнами кулис. Подтянутый, крепкий, в черных лаковых штанах. Парень крался к Джонси, не сводил с нее глаз и облизывался. А в его руках я заметил свёрток и, отреагировав мгновенно, рванулся вперёд так, что впечатал подозреваемого в доски пола. Миготом оттянул его за ноги к себе, чтобы не вывалился на сцену.

Он испуганно уставился на меня и, шепча разбитым в кровь ртом что-то неслышное в диком шуме, разжал руки. Из свёртка сверкающим водопадом на его темную рубашку посыпались блёстки, а я чертыхнулся.

Джонси в танце повернулась и цапнула меня взглядом, мельком глянула на пострадавшего паренька и, продолжая петь, дернула уголок рта вверх.

Над головой захрустело, зашевелилось. По трое с каждой стороны спускались девушки в белом. Свет плясал и кружился, музыка выбивала из груди последний дух, будто пронзала насквозь басами. Я даже толком не слышал голоса Евы в этом бедламе.

И, пока я смотрел на спускающихся танцоров, кто-то пихнул меня в спину, а коварная рука дернула за галстук и потащила навстречу ослепительным лампам.

– Посмей двинуться, – шепнула мне Ева на ухо, когда музыка стихла и перетекла в другую композицию. – Пожалуюсь папе, что ты сорвал мне концерт, – она повернулась в танце и эротично опустилась передо мной на колени. Со стороны можно было подумать, что минет делает. Я хотел отступить, но девушка начала мелодично петь:

– Будь со мной... – потянулась ладонью, будто звала к себе. Требовала остаться. – Один миг, час... так беспечно.

Я застыл ослепленный ее взглядом, оглушенный ее голосом, а бабочка продолжала:

– Будь со мной...

Один раз, два... бесконечность.

Я твоя,

И весь мир вокруг ни о чем не узнает.

Пусть судьба

Поиграет с нами, пусть... поиграет...

В ее голосе сочетались мягкая хрипотца и ласковые высокие полутона. Меня прошибло током от легкости нот и характера, что она передавала своим тембром. Будто Ева, как фокусник, вытащила из обтягивающего лакового лифа длинную иглу и беспощадно вставила ее в мою грудь. И кто теперь бабочка, прикованная к деревянному паркету бархатным женским голосом? Она или я?

Поднимаясь на ноги, будто она в моей власти, а не я в ее, Джонси провела ладонью по груди и зацепила лацкан. От каждого легкого движения и перелива ноты мне казалось, что я упал в подпространство без времени и притяжения. Упал в никуда. Ева стянула с одного плеча полу пиджака и плавно переместилась за спину. Она продолжала петь: нежную и приятную слуху балладу, ласкала меня пальчиками, поглаживая по рубашке, и неожиданно сжала до боли сосок.

Пока был проигрыш, Ева сказала мне на ухо:

– Мой мишка. Покорный звереныш. Тебе придется спать со мной в обнимку, потому что стоит тебе отвернуться... – и ее улыбка мне совершенно не понравилась.

Меня оттянули, закружили в танце девушки в белом. Пока я развернулся, словил равновесие, Джонси уже скрылась со сцены.

Чертыхнувшись, я поднял одну из девиц и, отставив её в сторону, бросился следом за объектом. На бегу натягивая пиджак, ругал себя последними словами: нельзя даже на миг отводить от неё взгляда. Нельзя расслабляться! Наверняка сталкеру известно, что девушка скоро выйдет замуж, и, если Комар прав, и для преследователя это имеет большое значение, то он может напасть в любую минуту, потому что дни до свадьбы просыпаются, как песок сквозь пальцы.

За кулисами меня окружили незнакомцы, по виду – охрана. Они вцепились в меня, как клещи. А следом набросился тот самый прилизанный менеджер.

– Ты что же это, решил нам концерт сорвать?! – завизжал он, как поросенок. – Дастин кровью истекает! За что ты его избил?

– За дело, – отметив, что тонкая фигурка Евы скрылась в гримёрке, откуда нет другого выхода, я переключил внимание на менеджера. – Что делал тот идиот на сцене? Зачем крался, будто задумал преступление?

– Дастин, конечно, идиот, – взвизгнул менеджер, – но ни о каком преступлении речи нет! Этот кретин забыл зарядить аппарат блёстками, вот и пришлось пробираться ползком, чтобы зрители не заметили... Ты всё испортил! – напрыгивал он на меня. – Но Ева – умница, вытащила номер блестяще, – он хлопнул в ладоши и благоговейно закатил глаза. А ты, – он снова попытался меня стукнуть, но я увел плечо в сторону.

– Как, говоришь, тебя зовут? – готовясь выбить из менеджера правду, с угрозой уточнил я.

– Энжи, – представился тот и топнул: – Ты можешь вести себя тихо и не тявкать, собачка Джонси?

– Конечно, – оскалился я и, за пару мгновений освободившись от удерживающих меня охранников, скрутил Энжи в бараний рог. – Я сразу буду кусать, ясно?

Глянул хмуро на парней и приоткрыл пиджак. Заметив оружие, они подняли руки и отошли, а я потащил постанывающего менеджера в укромный уголок.

- Пусти! - вопил он. - Я Джонси пожалеюсь!

- Угу, - разрешил я. - Жалуйся. - Впечатал его в стену рядом с каким-то шмотками и прошипел: - А заодно Расскажи ее отцу - Комарову Сергею, что воровал вещи его дочери, чтобы продавать на аукционах звезд!

Менеджер побелел так, что я уже забеспокоился: грохнетя в обморок, и я ничего не добьюсь. Зато сразу стало ясно - интуиция меня не подвела, рыльце у Энжи явно в пушку. Я вжал тощее тело в стену ещё сильнее и прошипел:

- А ну рассказывай, кому толкал её трусики!

- Трусики? - покраснел менеджер и отчаянно замотал головой: - Нет-нет, я только платья продавал. Те, что она надевала на концерт... - Он отчаянно вцепился в мои руки и простонал: - Пожалуйста, поверьте! Они же всё равно никому не нужны. Второй раз не наденешь, в жизни не поносишь...

Я ухмыльнулся, вспоминая прикид Евы на сцене: это точно! Разве что на улице Красных Фонарей. Конечно, верить на сто процентов я не собирался, но чуял, что менеджер говорит правду. Пусть он и гад и наживается на шмотках, но явно не тот, за кем я охочусь.

- Как вы могли подумать, - упав на колени, зарыдал Энжи. - Чтобы я... трусики Джонси... Мне бы такое и в голову пришло!

- Кому-то пришло, - мрачно усмехнулся я.

Парень прекратил рыдать, посмотрел на меня снизу вверх и прошипел:

- Я знаю, кто этот подлец! - шустро вскочил и повис на моём плече. Я поморщился, но решил выслушать, когда менеджер доверительно произнёс: - Я видел, как Дерел копался в вещах Джонси. Он сказал, что уронил запонку, но... - Энжи заливисто рассмеялся.

Я понял: на стилисте Джонси я запонок не заметил, да и остальное на нём держалось с трудом. Интересно, так же легко он врёт с пистолетом у виска?

Мимо, шурша длиннющим шлейфом, продефилировала на высоченных каблуках Ева. Она игриво подмигнула мне на ходу.

Глава 14. Ева

Концерт закончился феерически. Зал взорвался визгами и аплодисментами. Ряды фан-зоны прыгали и заряжали безумием. Мне казалось, что я на миг оглохла от восторга и кайфа, в голове непривычно загудело, и по телу поползли колючки передозировки гормоном счастья. Нафига нужны наркотики и выпивка, если есть сцена? Это такой адреналин и всплеск энергии, что можно поехать от прихода.

Тело пылало, хотело разрядки, требовало ещё активности, драйва, секса. Хочу оргазмов, тысячу вспышек, пронзительных молний по всему телу. Я только вошла в раж, только разогрелась. Хотелось дальше петь, прыгать, орать от возбуждения.

Поймав в толпе своего защитника-мишку, я, не стесняясь, повисла на нем, как обезьянка (ой, люблю я это дело), все уже привыкли, что я открыто пристаю к охранникам, и передала вкус моего триумфа в поцелуе.

Щелкали камеры, кто-то свистел над ухом, кто-то выкрикивал слова восторга, но только Дэми оставался холодным. Даже не впустил меня в свой сладкий рот, сукин сын! Я беспомощно ткнулась языком и уперлась в стиснутые зубы. Ах, так! Отказывать Джонси в утехах?! Да как ты смеешь?! Я же тебя, я же...

Стало так противно, что он попользовался и по факту выбросил меня после той ночи, но я не сдамся, доведу его до белого каления, чтобы знал – никому не позволено меня использовать.

Это уже дело принципа.

Я отлипла от него, оставив на рубашке заметный потный след, а на стиснутых губах горело пятно моей помады. Развернувшись, пошла напрямик в примерку и захлопнула дверь перед его носом, щелкнула замком.

Пусть ждет снаружи, дикий пес!

Как же я была зла на него! А еще на папу, что подложил мне такую свинью. Вернее, две. Первую звали Пр-э-эскот, а вторую... ну, вы в курсе.

Если на тебя не действуют открытые шмотки, Дэми, откровенные приставания, я поменяю тактику. Я умею быть разной, мой пупсик-мишка. Ты просто не знаешь, с кем играешь.

Я смыла с себя тонну косметики, сняла пучки накладных сценических ресниц, сходила в душ и нашла на вешалке маленькое черное платье: скромное, закрытое на плечах, длиной чуть выше колена. Из коробки нового белья, что мне каждый день оставляет стилист, я выбрала самое нежное: классическое бюстье с косточками, по краю с кружевной окантовкой и простые трусики впереди с уголком ажюра, что прятал самое интересное. Уши украсила сережками-гвоздиками, а волосы приподняла наверх заколкой с белым камушками Сваровски, оставив на висках несколько завитых прядей. Подкрасила губы блеском и подчеркнула глаза натуральным дневным макияжем, отчего стала похожа на юную девочку-припевочку.

Кто знает, какая я на самом деле? Внутри. Кто меня спрашивал, какой я хочу быть?

Вот теперь посмотрим на твою реакцию, красавчик Дэми, обломинго кайфа. Я хочу сегодня на тебе поскакать, хочу кричать от твоей толщины, впускать тебя глубоко в себя, чтобы ты падал, падал, а потом взлетал от кайфа.

Что в этом плохого? Разве это не обоюдное желание?

Когда я примерила аккуратные узкие туфли на невысоком каблуке под цвет платья, под ребром что-то защекотало. Мерзкое такое чувство, тошнотворное и гнетущее. Зачем я лезу на мужика, который, скорее всего, все еще страдает по бывшей? Ведь еще в баре видно было, как его задевает измена жены, как он побелел, когда сучка и тот кобель над ним издевались.

Тем более, он знает о моей скорой свадьбе. Конечно, и в этом причина его холодности. Это очевидно, не может же он быть настолько чурбаном и ублюдком? Защитник же не такой, я знаю его настоящего. Я видела, просто он сейчас крепко спрятался!

Это ведь он кричал «моя», или мне, дурочке, показалось?

Но я же и не прошу влюбляться в меня! Нам обоим нужны развлечения и драйв, это ведь читается по его глазам, по изгибу улыбки, по подрагивающим крепким пальцам, что так сексуально держат пистолет. Мне нужен он, как способ забыться от реальности, ведь представлять, что придется спать с Прэскотом и, не дай Боже, рожать от него детей... это фу... Мутит от одной мысли. Дайте мне недельку счастья, разве я много хочу от жизни? Меня аж качнуло от одной мысли, что залечу от уroda Дрэйка, и перед глазами на миг потемнело.

Я быстро взяла себя в руки и распахнула дверь примерки.

Встала перед Дэми, интеллигентно сложив руки на серебряном клатче, и сдержанно проговорила:

– Отвезешь меня поесть? Хочу чего-нибудь остренького и восточного.

Он судорожно вдохнул и, взяв меня за талию, практически внёс в гримёрку. Убедился, что вокруг никого и запер дверь.

– Что ты творишь?! – я вскрикнула от неожиданности.

Он приближался медленно, не отрывая пристального взгляда, навис надо мной огромной скалой мышц. Медленно и глубоко вздохнул, Дэми проговорил:

– Понимаю, что я, как и многие до меня, твои игрушки. Возможно, ты не наигралась в куклы, это не важно. Хочешь играть? Я согласен. Можешь называть меня собачкой, мишкой, кем угодно. Поверь, за свою карьеру я наслушался и натерпелся немало. И теперь мне всё равно, что делает объект под моей защитой. Кроме одного – он не вредит себе. Я повезу тебя обедать, я буду делать, что скажешь... – Мы столкнулись взглядами, и Дэми быстро поправился: – Что не противоречит моим моральным принципам. Но, Ева, ты

обязана слушаться меня по первому слову. – Голос его становился всё ниже, в нём появилась хрипотца. – Обещаю, я никогда не буду злоупотреблять этим. Но если я прикажу «падай», ты упадёшь, даже если на земле будет грязно. Если я скажу «беги», ты дашь дёру так, будто за тобой гонится с ножом тот, кого ты отчаянно ненавидишь. Надеюсь, я достаточно ясно всё объяснил? Сейчас я твой телохранитель, Ева. А это значит, что твоя жизнь важнее моей... и чьей-либо ещё из тех, кто вдруг окажется рядом.

Он ещё раз посмотрел в мои глаза, перевёл взгляд на мои губы и шумно вдохнул, а затем резко развернулся и быстро пошёл к выходу. Голос его снова стал холодным и ровным:

– Я знаю один приятный ресторанчик. Готовят там так себе, зато безопасность на высоте.

Глава 15. Дима

Она послушалась. Я не знаю, что произошло с моей колючкой, но она вдруг превратилась в куколку. Стала элегантная, холодная и неприступная.

Если честно, колючка мне нравилась больше. И не потому, что одевалась она более откровенно, нет. Потому, что была... настоящей. А эта куколка глазками хлопает, губки поджимает, ведёт себя, как принцесса на приёме. Даже на мою отповедь ничего не сказала. Тихо следовала за мной, глядя себе под ноги, да вздыхала.

Мне эти вздохи будто грудь разрывали. Ничего же не сказал, но чувствовал, словно отшлёпал ребёнка. Стоп, Дима! Она не ребёнок. Даже если выглядит худенькой и похожа скорее на фарфоровую статуэтку, чем на девушку, ей двадцать один... Губы невольно растянулись в усмешке: а той ночью сказала, что двадцать два. Но тогда она кончала от моих ласк, могла и поплыть, а не солгать намеренно.

И всё же, почему Ева промолчала? Я ждал, что она взорвётся на то, что я её «объектом» назвал, или на то, что приказал тыкаться лицом в грязь по первой

команде.

Много было в моей практике подростков, которых приходилось не только защищать, но и воспитывать, потому что родителям некогда этим заниматься, а мне нужно взывать к разумному самосохранению объекта. Если охраняемый сам себе враг, то не поможет даже самый профессиональный телохранитель.

Об этом я размышлял, когда мы ехали на треклятом фургончике по названному мной адресу.

Я косился на девушку и гадал, о чём она думает.

Ева упрямо смотрела в окно, и мне не нравилась её бледность и... Чёрт побери, почему она такая тихая? По сравнению с тем, какой я привык её видеть, совершенно другая. Заболела? Или та колючка, которую я встретил лишь эпатажная маска, а эта настоящая?

Я никак не мог разгадать Комарову, и это нервировало. Нужно знать, какой тип ты охраняешь, чтобы делать это правильно. Но стоило мне решить, что понял объект, как она тут же меняла маску. Бойкая бабочка, колючая дочь, страстная женщина, ледяная принцесса, яркая вспышка на сцене, – кто же из них истинная Ева?

Когда мы подъехали к ресторану, девушка казалась слегка удивлённой, но всё так же молча покинула машину и последовала за мной.

Теперь она будет играть послушную девочку?

Я нервничал всё сильнее, пытаюсь сообразить, что колючка задумала. Может, она притупляет моё внимание, чтобы сбежать? Да, скорее всего, так и есть.

Я открыл дверь и пропустил Еву вперёд, и дело не в галантности. Быстро осмотрелся, запомнил все припаркованные машины и их номера за пару секунд, а затем последовал за девушкой.

Нас встретил администратор. Широко улыбаясь, он кивнул мне и на почти идеальном английском провозгласил:

– Мистер Леонов, как приятно вас видеть снова! Да ещё с такой очаровательной спутницей! Сейчас я найду для вас столик... Присядьте пока в баре. Напитки за счёт заведения.

Я благодарно кивнул Асану, с которым мы дружим уже много лет, и жестом пригласил Еву присесть на высокий барный стул.

– Что будешь пить?

– Мартини, – ответила Комарова уверенно и немного прищурилась, но тут же увела взгляд в сторону. – Мне нужно... – она помялась, немного наклонилась ко мне и сказала шепотом: – Я хочу пи-пи.

Я сухо кивнул и, заказав мартини для мисс и воду без газа для себя, показал Еве, куда идти.

У туалета я попросил её остановиться и, постучав, быстро осмотрел пустое помещение, и только потом отошёл, пропуская Еву.

Она была внутри минут семь, что довольно долго. Я уже начал волноваться и собирался вытаскивать её из кабинки, ожидая, что она снова что-то вычудила, но, стоило мне распахнуть дверь, Ева замерла напротив. Лицо бледное, волосы слегка завились от влаги, на светлой коже мелкие капельки.

– Надеюсь, я не отравлюсь в этой забегаловке? – спокойно спросила она и вымученно улыбнулась.

Я царапнул её взволнованным взглядом, отметил круги, залёгшие под глазами, и подгаргивающие пальцы, что сдавливали до скрипа кожу клатча.

– Мне кажется, ты устала, – осторожно проговорил я. – Думаю, дикие пляски на сцене тебя вымотали. Может, стоит поехать домой?

– Крестится нужно, когда кажется, – заулыбалась Ева и, обогнув меня по маленькой дуге, спокойно пошла к бару. Но не села, а так и застыла, будто на входе увидела чудовище.

Глава 16. Дима

Я тут же подобрался и, задвинув Еву за себя, столкнулся взглядом с одним из вошедших гостей.

Молодой человек худощавого телосложения смотрел на меня так, словно я был ему должен пару миллионов долларов. Мне он тоже сразу не понравился. Слишком прямые плечи, слишком прямой взгляд, слишком прямой нос. Хотелось всю эту геометрию слегка поправить. Но, судя по дорогой одежде и высокомерному виду, этот парень дрался только во сне с подушкой.

Сопровождали юнца две дамы, по первому впечатлению мать и дочь. Одеты элегантно, ведут себя, словно всё вокруг им принадлежит. Скорее всего, семейный ужин.

Я мгновенно потерял интерес, несмотря на то, что юнец нагло разглядывал Еву. Она звезда – ничего удивительного. Может, он просто её узнал. Я отвернулся и приглашающим жестом показал на высокий стул.

– Твой мартини тебя заждался.

– Ах, да, – Ева будто очнулась, потянулась к стойке, зажала между пальцами бокал и повернулась к приближающейся тройке. Она смотрела на молодого человека так жестко, будто хотела сжечь его на месте, а на губах появилась натянутая улыбка:

– Ну, привет, Прэ-э-эскот, женишок разлюбимый, – Ева выпила залпом мартини и цапнула с края бокала дольку лимона. Съела и не поморщилась, только пальчики облизала. – И моя будущая свекровь, – она перевела взгляд на женщину постарше и окинула её пренебрежительным взглядом. – Будущая мамочка, неприятно вас встретить здесь, – она будто оговорилась, улыбалась так же натянуто и сильно стискивала свободной рукой клатч. Аж косточки побелели.

Я быстро глянул на парня, уже совершенно по-новому, с прищуром. Если с первого раза он мне не понравился, то сейчас казался крайне подозрительным.

Даже смог представить, как он покупает у Энжи её трусики. Я мягко шагнул вперёд, когда к нам приблизился Асан. При виде гостей он рассыпался в извинениях за то, что им пришлось аж целую минуту ждать и, многозначительно глянув на меня, предложил троице пройти к заказанному столику, как вдруг Прэскот этот будто очнулся и с улыбкой обратился к Еве:

- Не желаешь присоединиться к семейному ужину?

Разумеется, я видел, как мамаша парня поджала губы, а девушка (сестра, скорее всего) закатила глаза и манерно произнесла:

- Не видишь, братец, что твоя невеста сегодня ужинает с другим? Может, и его пригласишь к нам за стол?

Она посмотрела на меня, ожидая ответа. Я лишь усмехнулся: порой хорошо быть слугой. Я мог не отвечать, если мне не задали прямой вопрос. Это личное дело дочери Комарова, и я в него лезть не намерен... хотя очень хочется.

- Не желаю тебя видеть, Пре-е-ескот, - Ева двинулась мимо парня и намеренно толкнула его в плечо, потом обернулась и посмотрела на меня. - И это мой личный охранник, если что! Поехали спать, Дэми.

- Охранник? - Прэскот расхохотался так громогласно, что в ресторане стало тихо, и преградил мне путь.

Ева остановилась и обернулась, мать её жениха облегчённо выдохнула и посмотрела на меня, как на предмет мебели, а вот девица, наоборот, взглянула с интересом.

Парень шагнул почти вплотную и похлопал меня по плечу:

- Слишком хороший костюм для охранника. Сколько же ты получаешь, раз шьёшь на заказ у самого мастера Барлоу?

- Барлоу? - ещё сильнее заинтересовалась его сестрица. Она тоже подошла и окинула меня плотоядным взглядом: - Я слышала, запись к нему расписана на пять лет вперёд. Это точно не подделка?

– Поверь, Эвелин, – изогнул губы Прэскот, – я отличу работу мастера от подделки. – Он снова посмотрела на меня и тронул за рукав: – Так сколько ты стоишь, здоровяк?

– Мне тоже интересно, – промурлыкала сестрица.

Я молча смотрел на них, стараясь не вмазать этому щеглу, который явно нарывался на удар локтем. Даже встал удобно. Увы, прямой угрозы объекту не было, а вмешиваться мне не положено. Я лишь слегка поклонился:

– Прошу прощения.

Попытался обойти их, но Прэскот снова преградил мне путь. Он явно нарывался, и я весь подобрался, сдерживаясь, чтобы не проредить его сверкающую улыбку.

И тут вмешался Асан. Он почти подбежал ко мне и потянул в сторону:

– Ваш столик тоже готов! – посмотрел на Еву: – Заказ уже принесли.

– Заказ? – нахмурилась она. – Я ничего не заказывала.

– Дэми всегда берёт одно блюдо, мисс, – виновато проговорил Асан. – Если вам не понравится, вы всегда можете перезаказать, но будьте уверены – вам понравится!

– Дэми? – улыбнулась Эвелин и обернулась к администратору: – И что же за блюдо нравится Дэ-ми? – Она растянула моё имя так, что зубы заныли. – Я тоже хочу попробовать!

– Извините, – с сожалением поклонился Асан. – Его нужно заказывать за неделю, мисс. Но если пройдёте к вашему столу, я порекомендую вам другие интересные и очень вкусные блюда. – Управляющий кивнул молодому официанту: – Дияр, проводи Дэми и его гостью за пятый столик.

Мамаша скривилась при звуке слова «гостья» и решительно пошла за администратором. Прэскот бросил на молчаливую Еву такой взгляд, что я снова напрягся всем телом. Вот не нравится мне этот парень! Пусть только попробует

приблизиться к Еве, и я.... Но он двинулся за матерью. Эвелина же окинула меня с головы до ног ещё более плотоядно, будто я тоже значился в меню, и протянула руку:

- Дайте визитку вашей фирмы, пожалуйста.

- Простите, - холодно ответил я. - При исполнении не имею права давать посторонним какую-либо информацию.

- А телефон? - не отступала Эвелина. - Мейл...

- Мисс, - обратился к непривычно молчаливой Еве племянник Асана, молодой Дияр, - разрешите вас проводить к столику?

Я с облегчением отвернулся от Эвелины и вопросительно посмотрел на Еву. От её решения зависит, поедем ли мы (а я очень проголодался) или исчезнем и из ресторана, и с глаз Прэскота, и из пределов видимости его семейки.

Глава 17. Ева

Я протянула руку и позволила Дэми увести себя за столик. Наверное, по сжатым пальцам он догадался, что я играю роль, что ненавижу жениха, но вида не подал. Ему не понять, почему я вынуждена на это соглашаться. Никому не понять.

Вот пусть лучше молчит сейчас, потому что я сорвусь, и всем будет весело, особенно журналюгам, что пасут меня за соседним столиком.

Хотелось скинуть маску «хорошей девочки», которая, словно горячий пластилин прилипла к лицу, и стать собой, но я дала слово сегодня быть именно такой: чистенькой и примерненькой.

Не хочет Дэми видеть стерву, будет ему куколка.

От собственной наигранной примитивности захотелось заорать, но я задавила порыв в зародыше и заулыбалась, будто я тупая курица, которую привел на ужин красавчик-олигарх.

Хотя появление Пре-е-ескота пошатнуло мою уверенность, что я отыграю до конца и без фальши. Меня будто что-то дернуло за ниточку в горле и вызвало стойкую тошноту. Вряд ли я буду есть, но потреплю нервы женишку с удовольствием.

И этот взгляд сучечки Эвелины, что буквально облизывала моего мишку глазами, будто она уже встала на колени, залезла ему в штаны и делала минет при всех. Курва, он мой! На неделю точно, а потом...

Тварь!

Хотелось сорвать с себя это няшное платье, нацепить юбку покороче, разорвать лиф, сделать декольте поглубже, чтобы взгляд Защитника не блуждал по моему лицу, как по пластику, а нырял туда, куда запрещено смотреть другим. Но я дотяну до дома, а там... ох, я оторвусь на тебе, мой страстный северный мишка.

Я расположилась спиной к моей будущей семейке, дождалась, пока Дэми сядет напротив, прищуренно всмотрелась в холодное, будто застывшее во времени, лицо охранника.

Как у него получается так собираться? Или он, правда, такой? В грязь лицом, значит, падать по его приказу? Ага, щаз! Да кому я нужна, кроме как потрахаться на разок и автограф на члене оставить? Пристал со своей безопасностью, будто я фарфоровая статуэтка и разобьюсь от чужих взглядов или прикосновений.

Еще один папочка-параноик?

Может, сбежать от него, чтобы не считал себя хозяином положения? Чтобы папа ему в дыню дал за оплошность?

Откуда у простого телохранителя одежда от Берлоу? Из-за своей занятости выпустила из вида такую важную деталь. Но это я потом выясню и лучше у отца.

Хотя... можно ведь быть хитрее.

– Слышала, что жена Берлоу шьет крутые свадебные платья. Может, устроишь мне встречу, Дэми? – я не опускала глаза, смотрела в глубину его радужек и заметила, как густые ресницы дрогнули, а темное кольцо зрачка расширилось и спряталось за прищуром. Что ты скрываешь, мишка?

– Ты ошибаешься, Ева, – произнёс он слишком спокойно для мужчины, у которого на щеках так и скачут желваки, а взгляд то и дело возвращается к Прэскоту. – Господин Берлоу уже много лет вдовец. – И тут же сменил тему: – Мне кажется, твоя будущая семья не особо тебя жалует, как и ты их. – Он коротко усмехнулся, но тут же спрятал улыбку за холодной маской: – Почему же ты... – он замедлился, растягивая это слово, будто сам себя останавливал, но, всё же, решительно посмотрел в мои глаза и серьёзно спросил: – Почему ты не ешь? – кивнул на огромное блюдо, что занимало полстола. – Поверь, это очень вкусно... и мой друг слегка слукавил, сказав, что нужно заказывать за неделю. Этого блюда вообще нет в меню. Асан просит свою мать иногда готовить для меня в благо... По старой дружбе. Здесь так не пригостишь. Дело в том, что на родине Асана, в горах, где воздух разрежен, вода закипает при более низкой температуре. Мясо приходится готовить очень долго, но зато оно становится нежнейшим и неповторимым на вкус. Надеюсь, тебе понравится так же, как мне.

Он перестал буравить меня голодным взглядом и переключился на мясо.

Я отрезала кусочек и, наслаждаясь сочностью и мягкостью волокон, осознала, что зверски хочу есть. Быстро уплетая кусочек за кусочком, я стряхивала с себя взгляды будущей «семейки», пусть им пусто будет. Вот бы Прэскот подавился косточкой, чтобы свадьба внезапно стала невозможной. Но это слишком наивные мечты.

А еще мне хотелось острого, жгучего, такого, чтобы в мозг простреливало и в дыхание добавляло огня. Я потянулась к перечнице и столкнулась с пальцами Дэми. Он всего на миг стал тем прежним, задорным мужчиной из бара, но через секунду на его строгое лицо напозла скучная холодность, будто кулисы рухнули и закрыли все эмоции.

Я трахнула вилкой по столу и откинулась на спинку стула.

Надоело играть куколку. Затренькало притворяться!

Меня выворачивало, ломало от этого образа. Дернула заколку и распустила волосы, достала из клатча яркую помаду и мазнула губы.

– Хорошее мясо, но мне хочется... – я опустила взгляд, будто хочу просканировать стол, – сардельку мне хочется, вот! – облизнулась и, скинув туфельку, приподняла под столом ногу и нагло уперла ее Дэми в пах. – О, – я прищурилась, чувствуя, какой он каменный под моими пальцами, – кажется, сарделька не против согреть мою булочку.

Он вскочил так резко, что стул проскрипел по паркету. На нас устремились любопытные взгляды. В том числе и семейки Прэскота. Дэми поправил пиджак и, кашлянув, отстранённо проговорил:

– Я забыл заказать вино. Ждать Дияра не будем, я сам принесу... И проверю, чтобы оно было лучшим. Ты какое предпочитаешь? Красное или белое?

– Красное, конечно же, – я коснулась кончиком языка указательного пальца и коварно заулыбалась. О, как всполошился. Такой ты мне больше нравишься, дикий мишка. – И захвати мне лимончика. Кисленького захотелось.

Глава 18. Дима

Я ввалился на кухню, словно пьяный. Повара посмотрели на меня с лёгким испугом, а следом за мной влетел Асан

– Брат, что с тобой? – заволновался он, не отрывая от меня настороженного взгляда. – Мясо не понравилось? Только привезли... Сам ещё не пробовал, но мама...

– Всё отлично, – процедил я и со всей дури двинул кулаком по железному разделочному столу. – Чёртова девка!

Повара оперативно скучковались в дальнем углу, а объемистый шеф вооружился огромным тесаком.

Асан на родном что-то быстро сказал им, и мужчины, смеясь и переговариваясь, разошлись по своим местам. На меня посматривали насмешливо и немного сочувственно. Амир одобрительно похлопал меня по плечу:

– Я рад, что ты нашёл, чем отвлечь себя от развода, брат. Девушка, как тлеющие угли: тронешь, и взорвётся пламя. Но постарайся не спалить ресторан, – он раскрыл один из ящиков и выудил бутылку темного стекла с запечатанным воском горлышком и без этикетки: – Слышал, ты вина хотел заказать. Бери, – он гордо протянул бутылку: – Из моей личной коллекции. Девушке понравится!

– Лимон, – прохрипел я. Асан приподнял кустистые брови, и я пояснил: – Моя клиентка просила лимон.

– К вину? – немного удивился мой бывший объект. – Странные вкусы у девушки, – он рассмеялся: – Женщины порой такие странные! Моя Раби тоже как-то лимоны поглощала килограммами. – Он нахмурился: – Или лаймы? – отмахнулся: – Какая разница? Всё давно в прошлом, она тогда ждала нашего первенца, – Асан поставил бутылку на стол и пошёл за бокалами.

Я же усилием воли пытался привести себя в спокойное состояние. Это было непросто: стоило вспомнить, как колючка трогала меня своими маленькими пальчиками, у меня самого, будто кто-то ворочал угли кочергой, в теле начинался пожар.

Смогу ли я выдержать это? Семь дней ада, который я устроил себе сам. Не смог устоять, затем не смог отказать. А теперь вдруг стараюсь удержаться от искушения? Ясно же, что Ева пытается вывести меня, как и многих до меня. Я слышал, как её сценические помощники делали ставки, когда я вылечу с работы. Колючка издевалась так же над каждым из своих охранников, и я лишь очередная игрушка. Нет, Комар точно не знает свою дочь.

Может, рассказать ему о ночных играх колючки? Незачем ей выходить замуж за того щегла гладколицего. Не понимаю, почему она согласилась. Впрочем, почему не знаю? Макс всегда говорил, что в любой неприятной ситуации причину нужно искать в деньгах. Я сжал столешницу: кому-то мала порция мяса,

а кому-то мелковаты бриллианты. Я видел, как колючка смотрела на Прэскота: как кошка на соседского пса... который пока ещё на цепи, но хозяин скоро его отпустит. Но всё равно согласилась на эту свадьбу.

Я потёр грудь: как-то заныло внутри, закололо. Ну и что, что я снова разочаровался в женщине? Не первый раз, не последний. Стояк почти прошёл, ещё минутка, и надо возвращаться. Это лишь физиология, пройдёт. В крайнем случае... припудрю носик. Неделю охранять порочную бабочку? Легко. В конце концов, в прошлом были ситуации и похуже. Сейчас же сложность заключалась в малости. И эта малость сейчас колола где-то глубоко под ребрами.

Подхватил вино, бокалы и вернулся в зал. Глядя на опустевший стол, со стуком поставил бутылку и тихо выругался. Разумеется, сбежала. А чего я ожидал? Ева всегда так поступала. И как я не обратил внимания, что она распустила волосы и накрасила губы? Да нет, обратил. Но лишь сидел и любовался, а нужно было насторожиться.

Глянул на Прэскота, который спорил о чём-то с матерью. Эвелина же, поймав мой взгляд, призывно улыбнулась. Тут же поднялась и, плавно покачивая бёдрами, направилась к нашему столику.

– Ого, – выразительно посмотрела она на бутылку и посмотрела на меня искоса. Провела тонким пальчиком по своим губам и промурлыкала: – Это тоже... особое угощение, которое нужно заказывать заранее? Может, угостите?

Я хотел было отдать ей всю бутылку и бежать на поиски ветренной подопечной, как за спиной услышал резкий голос:

– Эвелиндрочка, свалила от моего охранника, – Ева напоминала бешеную тигрицу, которая за лакомый кусочек перегрызет горло противнику. Волосы распушились, лицо переливалось бусинками влаги, на бледные щеки прилипли мокрые пряди. – Дэми, ты не против выпить вино в машине? О, лимончики, – она будто случайно коснулась моей руки, погладила по пальцам, распустив жар по коже, и перехватила блюдце. – Их тоже берем, – прозрачные дольки исчезали у нее во рту, а девушка даже не кривилась. – Ка-а-айф, очень хотелось кисленького, а еще... – она капризно топнула ножкой, – хочу домой. Я так устала после концерта, ног не чувствую.

Я посмотрел на девушку настороженно: лицо зеленоватого оттенка, от косметики не осталось ни следа. Её что, стошнило? Снова? О, нет! Медленно перевёл взгляд на остатки мяса из родной деревни Асана. Да, точно. Извинившись перед Эвелиной, подхватил Еву за талию и, помогая ей доковылять до выхода, практически всунул в фургон.

Когда взревел мотор, прижал девушку за плечи к спинке сидения и, не обращая внимания на приоткрытые губы, будто подставленные для поцелуя, и призывный взгляд, прорычал:

– Как долго? – она приподняла брови, и я сквозь зубы процедил: – Думаешь, я идиот? Тебя тошнит после каждой еды, лишь лимоны ты перевариваешь. Как долго, Ева, ты больна анорексией?!

Глава 19. Ева

– Я, что, костлявая? – во сморозил. Меня аж перекосило. Неужели я такая хилая на вид? – И меня не тошнит, Димасик! Я возбуждена, ясно?! Хочу тебя, а ты не даешь! – я сильно ударила его ладонью в грудь.

Наверное, хотелось причинить ему боль за то, что такой холодный. За то, что обманывал, говорил мне то, что хотела слышать. Тогда! Когда повез с собой и так незабываемо трахнул.

– Классно так, отымел девочку, а теперь делаешь вид, что тебе все равно. Нос воротись, будто я прокаженная. Хрен стоит, а я тебе уже не интересна? Поигрался и выбросил? Так я тебе вот что скажу, мишка колосапый, я не наигралась и хочу еще! И буду крутить тобой, пока ты не завалишь меня и не отымеешь. Как ты уже делал! У меня есть рычаги, – я коварно улыбнулась. – Всегда можно папочке пожаловаться, поплакаться в жилетку, что у нас с тобой было, – прикрыла ладошкой губы, что хотели его поцелуев. – Ой, скажу, что ты меня принудил. А что? Искусил, из клуба забрал силой, а потом я уже и отказаться не смогла. Ты вон какой здоровяк! А я ма-а-аленькая, беззащи-и-итная.

– Глупая ты, а не костлявая, – сурово проговорил Дэми, словно услышал лишь первое предложение, а остальное пропустил мимо ушей. – Ева, я понимаю, что твоя профессия требует стройности, но ты себя так и убить можешь. И не старайся меня отвлечь, ведь тебя тошнило сразу после еды. Не лги мне. Я твой телохранитель. А, значит, буду охранять это тело даже от тебя.

– Дурак ты, а не телохранитель! – я дернулась и зарычала: – Руки от меня убери!

– Конечно, – Защитник тут же отстранился и, усевшись рядом, бросил водителю: – В дом Комарова. Придётся пообщаться с твоим отцом, Ева, раз со мной ты не хочешь разговаривать, как взрослая.

Он посмотрел на меня, возмущённую, и примирительно добавил:

– Это для твоего же блага. Однажды я охранял модель, у неё была похожая проблема. В итоге ей пришлось лечь в больницу, потому что все преследователи, которых она боялась, оказались лишь плодом её изможденного голодом воображения, – Дэми нахмурился и пробормотал: – В вашем случае, воображение разыгралось не у тебя, а у твоего отца.

Дэми сжал челюсти так, что на гладковыбритых щеках снова затанцевали желваки, и отвернулся к окну.

– О чем ты? – я заинтересованно притихла. – Какие преследователи? Папе вечно мерещится то, чего нет. Впрочем, он и жить за меня собирается, – договорила тише. Голос дрогнул и сорвался в сип: – Чему я удивляюсь?

Я вскинула ладони, собираясь еще наговорить кучу грубостей, а потом поняла, что это бессмысленно – холодный мужчина будто не слушал меня.

Ну и похрен!

Я сложила руки на груди в тугий узел и отвернулась к противоположному окну, подальше от Аполлона Медведевича. Это будто бится головой о бетонную стену: все равно никто не услышит с другой стороны.

Отец силой и шантажом выдает меня за нелюбимого, а мужчина, к которому тянет по-настоящему, даже не заметил, пропустил мимо ушей, мое откровенное «хочу тебя».

В глазах защипало, захотелось плакать. Я плакать? Это просто пиздец какой-то? Что со мной не так?

Я ткнулась лбом в холодное стекло и закрыла глаза. Поскорее бы мы доехали домой: возьму гитару и буду волать всю ночь. Пошли все вон. Все только и могут, что пользоваться мной, никому нет дела до того, что я чувствую.

Вот была бы жива мама... Я была бы ей нужна.

Фургон притормозил у ворот в ожидании, и тут раздался какой-то странный скрип. Дэми преобразился в одно мгновение. Лицо его словно окаменело, глаза сверкнули, губы шевельнулись:

– Стоять! – он так посмотрел на водителя, что тот беспрекословно послушался. – Ручник на себя.

Замер на миг, прислушиваясь, а я не могла отвести растерянного взгляда от его побелевшего лица. Дэми повернулся ко мне и рявкнул:

– Быстро все из машины! – посмотрел на меня так, что сердце замерло, и, перегнувшись, распахнул дверцу и просто вытолкнул меня наружу. – Ева, беги!

Не знаю почему, я подчинилась, как и водитель, без вопросов. От наполненного глубокой тьмой взгляда Дэми стало страшно. Я слышала его прерывистое дыхание, когда неслась на каблуках, не разбирая дороги и спрашивая себя, зачем это делаю.

А потом что-то ударило в спину, и под страшный шум я упала на землю.

Твою мать! Как и предрекал Дэми, лицом в грязь!

Но сверху на спину навалилась такая тяжесть, что выбило из лёгких весь воздух. Дэми подгрёб меня под себя, и на миг перед глазами потемнело, в ушах

зашумело. Я увидела, как что-то упало рядом и с ужасом узнала покорёженный капот нашего фургона.

Дышать стало трудно, я забилась в панике, а Дэми отстранился и перевернул меня. Держа за плечи, тряс, словно тряпку:

– Ева! – кричал он, оглядывая меня с головы до ног. – Девочка моя, ты не ранена? Нигде не болит?

– Твою мать, – выдохнула я, держась за рёбра, да произнесла те же слова, что и нашу ночь любви: – Тяжёлый!

Дэми неожиданно прижал меня к себе и так судорожно вдохнул, что защипало в глазах... а потом стал заваливаться вбок. Отпустив меня, осел на землю. На короткостриженном затылке, рядом со старым шрамом, который я рассмотрела утром перед побегом, сейчас пузырилась кровь.

Я заорала во все горло: срывая связки, не щадя голос:

– Помогите! Пожалуйста! – горло сдавило спазмом: такое бывает только если перетрудить, и я знала, что петь в ближайшие дни не смогу. Жертвуя последними звуками, я снова позвала на помощь, но последние слова провалились в пустоту. Сорвала голос.

Не помню плакала я или нет, но злилась точно. Повернула охранника на землю, боком, оторвала кусок платья, обнажая себя почти до бедер, и приложила ткань к его затылку. Зашептала ему на ухо:

– Дэми, я тебя сама убью, если ты сейчас умрешь! Пожалуйста, не бросай меня так рано... – последнее показалось призрачным шевелением губ, невесомым прикосновением к его еще теплой коже.

Наклоняясь над мужчиной, вдыхая его мускусный запах, смешанный с дорогим парфюмом, со сладковато-солонатовой ноткой, я осознала, что он был прав: кто-то на меня охотится, а я не воспринимала всерьез.

Мир неожиданно сузился, накренился и выбил меня в темноту.

Глава 20. Дима

Открыл глаза и увидел её. Ева смотрела на меня так, словно я убил её любимого кота.

– Сука, ты всё-таки жив, – сквозь зубы процедила она.

– Знала бы ты, как жалею об этом, – просипел я и скорчился: – Блять... Что с моей головой?

Прикоснулся к повязке, а колючка хрипло проговорила:

– Ничего особенного, просто капот затылком поймал. Были бы мозги – все бы вытекли. А так... можно сказать, тебе повезло!

Я хмуро посмотрел на неё:

– Что с твоим голосом?

– Потапыч ещё спрашивает! – взвилась пискляво бабочка и вскочила с кровати, на которой лежала рядом со мной. – Забыл, что сделал?

Я похолодел:

– Где я? – с ужасом посмотрел на светлое окно. В белоснежных шторах запутались яркие лучи утреннего солнца. Светлая мебель, огромная кровать и зеркало в полстены. И так понятно, но я всё равно спросил обречённо: – Чья это комната?

От мысли, что я провёл ночь с бабочкой, пусть даже в бессознательном состоянии, отозвалась жаром в паху. Почему она хрипит, словно кричала подо мной всю ночь? Нет-нет, ничего не было... Или было? Боже, я спятил! Почему даже сейчас думаю об этом?

– Моя, – Ева прищурилась коварно, мотнула густыми волосами и подвинулась ко мне ближе. – Ничего не помнишь?

Я посмотрел в её глаза, такие обманчиво невинные в своей яркой синеве. Опустился к нежным пухлым губам, которыми Ева тут же потянулась ко мне и, прикрыв веки, приоткрыла ротик, явно приглашая насладиться вкусом греха. Щеки коснулось лёгкое дыхание девушки. Я же не мог похвастаться таким же, сердце застучало набатом, в паху всё одеревенело.

Захотелось схватить её, подмять стройное тело под себя, раздвинуть стройные ноги и одним рывком овладеть порочной девушкой с глазами ангела... Вбиваться до тех пор, пока она ещё сильнее не охрипнет от криков, пока узкое лоно не сожмёт мой член в сладком спазме оргазма. Даже мысль о том, что я в доме Комара, и это его дочь, сейчас не останавливала меня. Ева хочет секса, а я жажду её, так почему бы не... Потянулся к её губам...

– Ой, – она вдруг распахнула глаза, прижала ладонь ко рту и поскакала прочь, сверкая полуголой попкой. Из ванны донеслось покашливание и ругательства.

Да что с ней такое?

Я приподнялся на локтях и, ощутив болезненную пульсацию в затылке, застонал. Отрезвляющая боль окунула меня в ледяной поток самобичевания: я спятил?! О чём только думал? Почти трахнул дочь Комара в его же доме. Идиот! Может, у меня шок?

Снова потрогал повязку: наложена плотно, профессионально. Значит, меня осматривал доктор или медсестра. Провёл ладонями по обнажённому торсу и, скользнув под одеяло, выругался: где моя одежда? Огляделся и, не обнаружив ни брюк, ни даже трусов, с трудом поднялся и, обмотавшись сдёрнутой простыней, заглянул в ванную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/korotaeva_ol-ga/sluzhebnyy-roman-s-chuzhoj-nevestoy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)